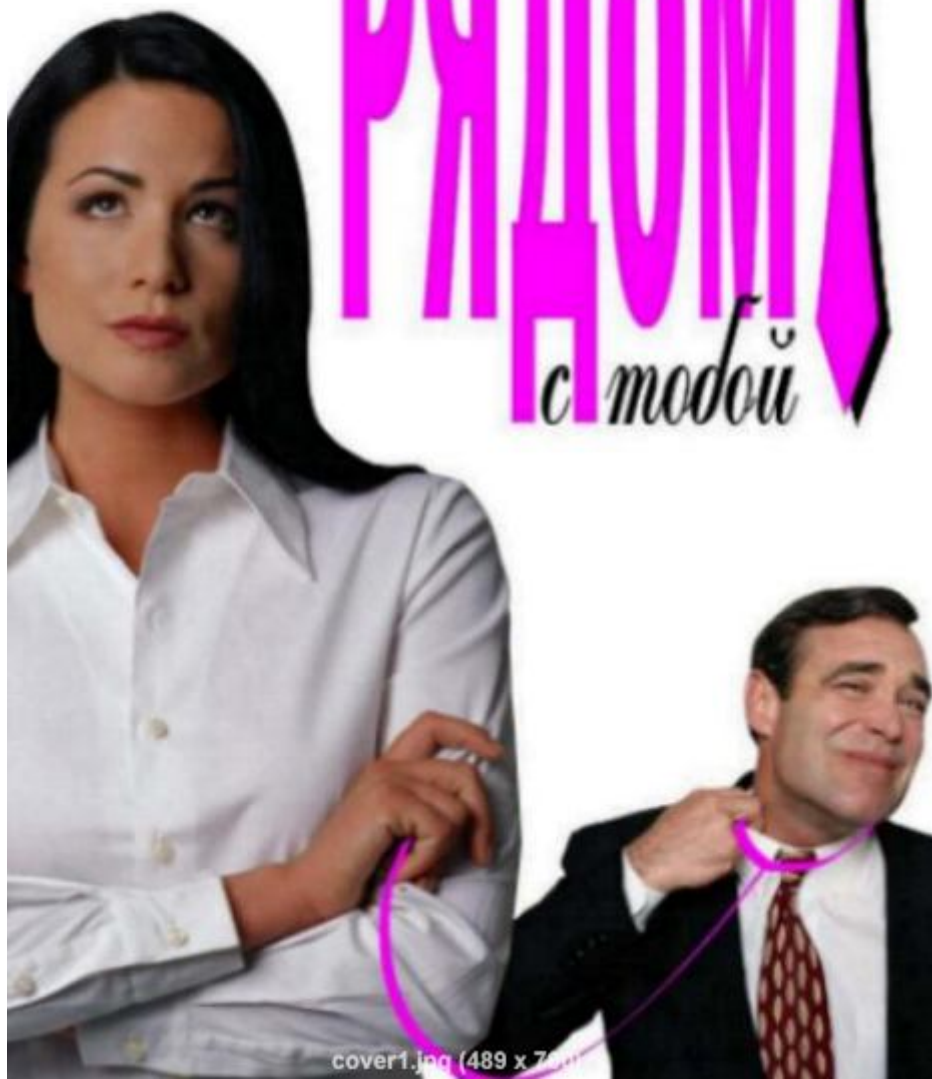

Александр
Азарян

РЯДОМ с модой

Автор книги, практикующий психотерапевт, предлагает несколько принципов, используя которые женщины обретут способность легко регулировать свои отношения с партнером: вызывать к себе интерес или охлаждать пыл навязчивых ухажеров, усиливать чувства любимых и управлять их намерениями, закреплять проявленный интерес к себе, а то и вовсе подчинять своей воле...

Рядом с тобой

Копия "Вечной любви"

Говорят, на ловца и зверь бежит...

Я уже заканчивал писать книгу о том, как можно помочь мужчине укрепиться во мнении, что выбранная им пассия достойна его, когда произошла встреча, после которой пришлось на время отложить все свои планы и в том числе прекратить работу над этой брошюрой или, как ее хотели видеть многие мои "заказчики" – методическим пособием, призванным пополнить ряд аналогичных изданий, которые сегодня можно найти в изобилии на прилавках книжных магазинов, которые пользуются спросом у пытливых и страждущих обыкновенного человеческого счастья...

По электронной почте пришло красочное письмо с подписью весьма значительного, титулованного человека – меня приглашали на встречу для обсуждения очень важной и интимной темы. "...Полагаю, - писал респондент – что наше соглашение будет основано на обоюдной выгоде и, возможно, в дальнейшем примет характер конструктивного сотрудничества." К такому посланию, естественно, был "приложен" номер телефона после длинного перечня названий, которыми обычно обозначаются координаты положения лица на городской карте власти. Я не мог не позвонить в тот же день...

Ответил женский голос: меня попросили представиться, после чего тотчас же соединили. Мужчина с приятным баритоном предложил мне встретиться сегодня же в вечернее время у него в офисе.

...В просторном помещении меня вежливо попросили подождать несколько минут. Потом по телефону эта девушка в строгом "бизнес-костюме", в котором слишком мало материала было использовано для пошива юбки и много позаимствовано от фасона мужского пиджака, особенно в покрое плечевого "уровня", назвала мою фамилию и ждать мне не пришлось вовсе. Дверь распахнулась и я увидел своего заказчика... во весь его большой рост...

Он был в белой рубашке, при галстуке; улыбался без театральности и у меня сразу создалось впечатление, что он знал меня раньше, прежде чем назначить эту встречу, точнее сказать, узнал бы меня легко, если б в приемной был еще кто-то...

Кабинет ничем не отличался от стандартных помещений "бизнес-класса". Я знал, куда мне предложат присесть и направился было к его столу, как он деликатным жестом указал в сторону другого незаметного помещения, дверь в которое была слегка приоткрыта. Вспомнилось, что обычно такие места бывают хорошо оборудованы техникой, вспомнилась прошлая жизнь с ее приключениями...

В этой комнате главенствовал диван и сбоку у зашторенного окна двумя низкорослыми монументами, придвинутыми к журнальному столику со стеклянной столешницей, стояли два кожаных кресла. Я занял то, чтобы оказаться спиной к окну – трудно справиться с привычками, как трудно заставить себя понять сразу, что в нынешние времена, если никому ничего не должен, вряд ли стоит беспокоиться о собственном тыле...

-Кофе или что-нибудь покрепче?

-Кофе...

Оказалось, что в дверном проеме уже стояла та самая девушка, которая встретила в "предбаннике". Как по команде она кивнула и ушла. Потом, когда

кофе был сварен, она снова появилась, "сервировала" стол пепельницей, парой прозрачных чашек на прозрачных блюдах и при этом ни разу не взглянула на меня, хорошо умея чувствовать себя призраком, если шеф увлечен разговором, а гость преисполнен вежливости и кивает с пониманием дела. Помнится только, что тогда мне почему-то подумалось, что хозяин этого мира, в котором я оказался, любит прозрачность во всем...

-...Не стану скрывать своего отношения к интернету, особенно когда читаешь, что тот-то был тем-то или, скажем, когда идет перечисление курсов, которые закончил автор, прежде чем начал заниматься своим делом по призванию... Зачастую проверяешь "инфу" и выясняется, что кроме школы ничего человек не кончал, а если и есть какие-то корочки, то уж явно купленные. В наше время покупают ведь не только знания, но и дипломы. А народ так устроен, что по-прежнему клюет на яркие обертки. Дайте мне любой товар и я заставлю маркетологов и дизайнеров поработать, чтобы получился новый и яркий товар, допустим, из обыкновенного хозяйственного мыла... - он улыбнулся, будто обозначая, что преамбула завершена.

-Я собственно обратился к вам вот по какому вопросу. – вот тут он встал и принялся ходить по этому небольшому помещению – от стола к книжному шкафу и обратно. Это не было проявлением нервозности - просто это был по складу своему человек активный и когда речь заходила о действиях, он привык... действовать. Движение по комнате имитировало поступок, на который он сейчас шел, готовый и мне предложить после нашей встречи начать что-то творить, одним словом – тоже действовать...

-У меня подросла дочь. Ей сейчас уже восемнадцать. – а теперь он стоял напротив меня, заложив руки в карманы брюк; слегка раскачивался с пяток переходя на носки, делая это не столь явно, чтобы вызвать раздражение.

-Я упустил многое в воспитании, каюсь. Надо было выживать в те гребанные времена, когда страну целенаправленно рушили. Вы согласны?

Я кивнул.

-...И потому я не знаю, о чем думала, что переживала и как потом получилась такая вот *стерва* из моей дочери. Нет, мы дружим с ней, и я ей ни в чем не отказываю. У нее все есть и даже больше, чем может иметь девочка ее возраста... в любой другой семье. Но... в последнее время с ней стало происходить что-то невыразимое.

Он снова принялся ходить по комнате, теперь уже редко глядя на меня, будто рассуждая с самим собой.

-Я пригласил хорошего психотерапевта, а потом прослушал запись их беседы. Не легкий у вас труд, признаю. Его старания я оплатил хорошо. Он мне что-то говорил про подростковую неврастению. Но меня интересовало только, здорова ли она? Он сказал, что с точки зрения патологии - нет никаких признаков. Просто девочка очень избалована и привыкла получать все, что пожелает... Но если этот психоз продлится, можно будет потом говорить о психопатии и придется лечить уже препаратами. Я не приемлю никакого вмешательства в психику таким образом... У меня нет никого ближе в этом мире. Мать ее живет в другом браке и я им только позволяю встречаться, впрочем, девочка особенно и не тянется в последнее время. Там тоже родился ребенок – она умудрилась родить в 37. Так что теперь ее больше занимает маленький, чем дочь... Ладно, это другая история и к нашим баранам никакого отношения не имеющая... - он с нескрываемой брезгливостью отмахнулся и несколько секунд постоял спиной ко мне – я не мог видеть выражения его лица в тот момент. Затем снова встал напротив меня и, не вытаскивая рук из карманов, раскачиваясь, сказал:

-Одним словом ей надо помочь получить желаемое. Учитывая ваше прошлое и вашу настоящую профессию, вы наверняка знаете, как это можно сделать. *На все и про все есть своя методология...* Если у меня болит зуб, я не иду к экстрасенсу, а иду к стоматологу. Никакая психология не решит проблемы моей

дочери, а поскольку вы оказались как бы на стыке, наверняка вы применяете методы специфического характера в своей работе, называя это психотерапией. О вас хорошо высказываются и не стану скрывать... - он заулыбался широко – у вас были два моих "казачка-засланца". Оба были крайне удивлены, что заодно причесали собственные мысли и даже решили кое-какие старые проблемы... Я прочитал "записки" на вашем сайте. Подобного в интернете нет. Во всяком случае я не встречал... А вас нашла Наташа – он указал в сторону стены, которую если пройти насквозь, а потом еще одну, можно наткнуться на ту самую девушку, которая наверняка сейчас сидит за своим столом и болтает по телефону...или нет, тискает мышку, щелкая по ссылкам...

-Вы, наверное, составили какое-то представление о нашем взаимодействии с вашей дочерью? – спросил я его.

-Нашем –в смысле, как мы с вами станем взаимодействовать в решении проблем, связанных с *моей* дочерью? – отреагировал он мгновенно на мой корявый вопрос, ставя ударение на слове "моей", да так, будто мне могло придти на ум ненадлежащим образом использовать его доверие.

Я поправился быстро:

-Я имел ввиду – вы составили свое представление о том, каким образом мы будем сотрудничать с вашей дочерью, решая *ее проблему*? – своим тоном я акцентировал последние два слова и получилась адекватная реакция на его отношение к собственной дочери; получалось, что наше с ним сотрудничество обусловлено простой необходимостью, по которой следует решать *проблемы его дочери*, которые стали и *его проблемами*. Похоже было, что он уловил этот явный подтекст – оттого, должно быть, его рот и тронула ухмылка:

-Да, конечно. - сказал он – Насколько я могу судить, спецслужбы работают, больше опираясь на агентурный аппарат, чем на техническую поддержку. Что может техника, если нет внедренного человека? – он снова широко заулыбался, даже как-то по-детски хихикнул – Нет, мою дочь никуда внедрять не нужно. Вам просто надо научить ее... ну как бы это получше выразиться... ***Вам надо научить ее, как это делается*** и вначале ***помочь ей влюбиться в себя конкретного парня***. К сожалению, она выбрала из нашего круга и просто купить его я не могу. Он сам *может* купить все, что *сможет*. Другими средствами здесь тоже не получится. Вот я и нашел вас. Почему-то мне кажется, что именно вы ей поможете. Хотя мой начальник по безопасности, естественно, в прошлом кадровый работник (он произнес название известной организации, оваянной мифами с легкой руки дилетантов) и предлагал острые мероприятия, которые бы заставили парня обратить на нее внимание, но все это как в сериале про Джеймса Бонда. Когда молодой человек оправится от страха, вряд ли можно будет говорить о каких-либо чувствах, кроме необходимости. А она на такое не согласна. Она, как ее мама, упорная до тупости и максималистка до идиотизма. Наказания на нашу голову сыплются по заслугам нашим...

Опасаясь, что он отвлечется на философско-теологические темы, я поспешил вставить вопрос:

-У вас есть ее фото?

-Хотите посмотреть, насколько она ужасна, есть ли хоть какой-то шанс обратить на себя внимание мужчины? – очень уж неприятный блеск я заметил в его глазах – его будто унижали.

-Нет. Я научился составлять собственное мнение о человеке по фото. Не станете же вы меня убеждать, что за коренными зубами следуют молочные, если во мне вы видите стоматолога... Может, в вашем случае – это зубной камень, а не кариес. Хотя, не хочу быть дилетантом и не намерен открывать частный стоматологический кабинет... Покажите, пожалуйста, ее фото...

Я встал, предполагая, что фото в его кабинете. Оказалось верно – он тоже последовал в другую комнату. Это еще и означало, что скоро наша встреча

подойдет к концу, и мы либо договоримся о чем-то, либо мне придется дать ему обещание, что не стану где-либо рассказывать о его проблемах.

Из нагрудного кармана пиджака, который аккуратно висел в шкафу, он достал портмоне и уже оттуда – фото.

Наивно полагать, что только в наказание нам возвращается то, от чего мы отвращаемся, что судим, осуждая, и всегда подстраивая объяснение, в конечном итоге оправдывая себя самих – собственную слабость или такую явную схожесть с предметом отрицания. С первого взгляда следовало бы считать эту девушку заносчивой до такой степени, когда человек раздражает большинство гордецов даже из своего круга общения, ставя прежде всего себя в положение "белой вороны"; или для начала лучше было бы смирить собственные эмоции и с "высоты" специалиста сделать допущение, что клиенту свойственна привычка изначально требовать невозможного – возвеличивания себя до уровня непревзойденной? Почему именно этот тип женщин, которых попросту называют стервами, а помягче – феминистками, оставил во мне тягостные воспоминания, какие бывают у учителей от трудных учеников, но реже - у матерей, вложивших в трудное чадо больше сил, чем в покорное? Почему только прилагая огромные усилия и думая о хорошем гонораре, я могу методично работать с таким типом человека, всегда удерживая в сознании образ одного молодого парня, который именно со стервами мог проявляться полноценно, ухаживая за ними с терпеливостью Создателя и получая от них признание, теша себя именно трудностью в достижении цели, а не простотой общения, избранностью у такой вот бестии, а не у достойной? Наконец, одолев в своей работе не малое количество страдающих гордецов, я остался с чувством отвращения к ним и не менее того - к собственным воспоминаниям о проявленной за гонорар терпеливости. И вот жизнь снова заставляла превозмогать себя самого, будто требовалось в сотый раз проверить себя не на прочность, но на стойкость перед соблазном раз и навсегда поделить людей на *своих* клиентов и *чужих*, таким образом ограничивая себя в собственных прихотях, что, впрочем, является в некотором роде составляющим компонентом в манерах гордецов... Во всяком случае сейчас необходимо было так думать, чтобы не отказаться сразу от возможности хорошо заработать, пусть даже имея дело с таким материалом; пусть даже не в силах отказаться от точного повторения той самой "компоненты", манипулируя которой у "объекта", придется помочь исполнить желаемое...

Пленка запечатлела как раз тот момент, когда симпатичная девушка, "потупив взор", смиренно ждала мгновения, когда из объектива вылетит "птичка". Аккуратные и утонченные черты лица на плоскости фотокарточки, благодаря умению фотографа работать играючи со светотенью, обрели гармонию линий, плавный изгиб которых и сплетение, как в иероглифе, написанном рукой японского мастера, лишь усиливали впечатление от "натуры": можно было бы подумать о воплощении самой кротости и смирения в этой новоявленной святой; можно было бы поверить, что из таких получают самые преданные жены... Выделялись, "выпадали" из замысла фотографа одни глаза – с ними он не смог ничего поделать - эти глаза смотрели вниз, будто она продолжает прислушиваться к собственной чувственности даже в такие минуты, когда надо всего лишь затаиться и сокрыть тайное, значимое и непознанное... Что-то самое порочное было в ней, только хуже, как это случается всегда, если кто-то начинает копировать, если сталкиваешься с плагиатом, пуще того – клоном чьего-то замысла. Рафаэль написал Мадонну, Леонардо да Винчи - Джаконду, а мне показывали жалкое подобие порока – клон наших дней, творение нынешнего времени и нынешних нравов...

-Ну что скажите? По зубам такая? – голос отца этого чуда отвлек меня, вернул в прозрачную реальность героя нашего времени.

-По зубам, что в зубы – получать не хочется. – пока я отшучивался. – Важно, чтобы это не стало цепной реакцией. Вы сами сказали, что купить можно

все, что можно. А вот исполнить желание можно не всякое. Я должен помочь ей исполнить желание – я покупаю у вас то, что могу – вашу проблему. Вы покупаете у меня мои знания с умениями. Вместе мы купим парня на слабостях его и неосознанных привычках, которые надо переиначить, придавая им тот характер цепной реакции, который приведет к желаемому для всех нас, а прежде всего для этой девушки, результату. – я показал ему фото его дочери будто для опознания и после короткой паузы добавил:

-Но...

Я отошел от него, продолжая держать в руке фотокарточку и изредка поглядывая на это отвратительное для меня лицо человека; посмотрел в окно, мало соображая, что увидел там, и завершил свою мысль:

-Но я не несу ответственности за ее возможную реакцию после достижения заветного мальчика...

-То есть. Что вы имеете ввиду? – искренне обеспокоился *отец любимой дочери*.

-Только то, что в ее возрасте положено не знать, каковыми бывают наши разочарования, когда мы достигаем меркантильной цели. В нашем с вами возрасте не знать горечи разочарования по меньшей мере стыдно. Я это к тому говорю сейчас, что наши отношения всегда будут иметь деловую основу – вы мне платите за результат, который надо точно "обговорить" и, если вы не против, как-то зафиксировать. Ну как это делают юристы, оформляя договора и контракты... всякие там... Чтобы не было потом претензий, когда... девочка разочаруется в парне...

-Хм... За такой результат я вам прибавлю к гонорару.

-В таком случае давайте начнем торговаться и оговаривать условия сделки, предметом которой является любовь... – я усмехнулся – не смог не выказать цинизма.

А про себя подумал, что если все получится интересно, непременно напишу что-то вроде повести...

Отец Дочери пару секунд пребывал в замешательстве. Не всякий человек легко принимает иное обозначение привычных вещей, но ведь известно, что всякий готов поспорить, что именно он видит вещи такими, какие они есть на самом деле...

Он почему-то не стал вдаваться в дискуссию и мы подошли к его столу. Тут я заметил, что рядом с настольной фотографией дочери, что в строгих форм рамке под цвет платины, а может и из самой платины, стояла маленькая статуэтка – копия "Вечной любви" Родена...

Утеха в заботе...

Двухэтажный дом с мансардой находился на улице, где все дома были построены после войны военнопленными немцами и когда-то очень долго походили друг на друга, одинаково ветшая, одинаково воплощая идею коммунального общежития. Но недавно такие дома стали достоянием людей богатых, которые смогли выкупить за приличные деньги эти добротные постройки, чтобы их отреставрировать или капитально перестроить; а то и добавить этаж, а то и настолько изменить фасад, чтобы прохожий мог удивиться, что среди построек скучного вида есть такие, словно с обложек журналов.

Мне даже не намекнули о гостеприимстве, когда я подъехал к этому дому. (благо было не долго ехать). Из дома вышел мужчина лет шестидесяти пяти и своей смешной торопливой походкой, которую приобретают люди с большим животом, малым ростом и короткими конечностями, направился ко мне. Для приличия я вышел из машины, и мы познакомились, пожимая друг другу руки.

-Виктор Петрович! – назвался он, "по-оперски" с прищуром вглядываясь в меня. – Будем дружить, будем взаимодействовать...

-В борьбе за правое дело... - подхватил я его инициативу...

Он принял мою шутку с готовностью и пояснил смысл встречи:

-Я должен был с тобой познакомиться. Во-первых, сам должен понимать, что я несу ответственность за девочку, а во-вторых, тебе все равно нужна будет моя помощь. Для начала меня попросили ознакомить тебя с теми материалами, которые мы собрали об этом парне. Давай сделаем так –ты заедешь завтра в офис и я тебе все покажу...

Я не смог сдержаться, чтобы не покачать отрицательно головой, чем вызвал некоторое удивление у начальника безопасности этого семейства.

-Виктор Петрович, мне кажется задача, которая стоит передо мной, больше "морально-психологического" характера, чем оперативного. Воспринимая объект заинтересованности вначале глазами потенциального... "агента", - я улыбнулся, – я буду иметь более точное представление о способностях "агента" и о ее возможностях, а уж затем дополню картинку информацией, которую вы мне сможете предоставить. А если пойти тем путем, который вы мне предлагаете, я скорее всего втянусь в разработку больше оперативного характера, чем... "любовного". Вам ведь разъяснили смысл моего существования рядом с такими людьми...

Взрослый и опытный человек с маленькими выцветшими глазами несколько секунд смотрел на меня, вероятно что-то свое и очень нужное для себя соображая. Конечно, он знал обо мне все, что осталось на бумагах в прошлом и, может быть, немного больше, что мог бы рассказать некто, кто не спился за эти годы, не погиб в служении мамоне, а остался на плаву, на виду или в той же организации. Он должен был понять, что я имею ввиду, и при этом он не мог забыть, что обязан

хозяину новой жизни (после своей отставки) всем, что имеет; что не имеет права ошибиться, подвергая опасности отпрыска хозяина. Я не стал перегружать его версиями и поспешил досказать свою мысль, упростив собственные намерения до... искреннего признания. Я сказал, заполнив паузу:

-Поймите меня правильно, я не люблю тратить время на пустое. Мне еще придется долго *воищаться* с этой девушкой. Прежде чем я смогу с большей вероятностью для себя предполагать, что наши отношения с ней продлятся, что вообще эта затея стоит того, чтобы решиться взять хотя бы самую малую предоплату у ее отца. Вы ведь понимаете, о чем я?..

-Мне кажется, что ты очень уж пренебрежительно относишься к ним. Разве нет?

-Вряд ли мне пришлось бы иметь дело с теми, кто мне неприятен. Было много возможностей отказаться. Впрочем, эти возможности остаются до тех пор, пока я не встретился с девушкой и не уяснил для себя, кто есть кто в ее истории?

Теперь этот взрослый человек даже лицо чуть в сторону отвернул, все еще вглядываясь в меня, не будучи способным поставить меня в ранг со знакомым ему типом людей...

-Виктор Петрович, мы получше узнаем друг друга, если в этом будет необходимость, если первая встреча с девушкой завершится благополучно. - теперь я улыбался, что называется, открыто, широко, давая ему понять, что работаю с ним, а не общаюсь; что на всякий случай имею ввиду, что наша встреча пишется, что заказчик будет иметь особый интерес ко мне и проявит терпеливость в прослушивании записей, наблюдая за всей игрой со стороны, имея привычку видеть все в "прозрачном исполнении".

Нет, похоже Виктор Петрович не уловил нюанса, и я больше не стал играть в "своего среди... своих"...

-Если сегодня нет возможности с ней встретиться, сделаем это завтра. Я еще не брал денег у вашего хозяина, и пока дело не пойдет, я работаю из уважения к искусству... Поверьте, мне столько раз в жизни обещали манну небесную, что теперь я сам "обманываться рад". Мы сможем встретиться сегодня с девочкой?

Похоже было, что я наглым образом ломал план, который был спущен "сверху". А Виктор Петрович, в чем я убедился, сам принимать решения, даже такие простые, не мог: он только ответил мне, что в настоящее время девушки нет дома и потому придется нашу встречу переложить на некоторое время, что может быть она состоится завтра, хотя нет причин откладывать ее на завтра... Просто надо дождаться, когда девушка вернется откуда-то...

Выражая крайнюю степень... дружелюбия, я высказал свою готовность именно сегодня, как только что-то прояснится, приехать туда, куда меня не пригласят в гости или в другое место, где я буду принят достойно... Вот тут старый волк просек, в чем дело. Посмотрел он на меня зло, но не без уважения... Потом даже не в меру широкий жест рукой совершил, будто отталкивая в сторону кого-то назойливого... справа.

-Да ты понимаешь, что общаться тебе с ней придется на другой квартире и я не получал распоряжения принимать тебя в этом доме. Сам понимаешь, я тоже работаю и благодарю бога, что мне удалось так хорошо устроиться. У меня нет твоих способностей и твоего возраста... Но свое дело я знаю хорошо.

-Кто бы сомневался, имея хоть малое представление о вашем работодателе... - подхватил я идею, специально теперь не называя отца дочери хозяином, а еще давая знать, что в общем могу иметь представление о человеке и о его деятельности – о том, кто мог платить нам за оказанные услуги.

-Ладно. Я позвоню тебе. – автоматически он потянул руку для пожатия, и я привычно ответил ему, как это делал сотни, тысячи раз, пожимая руки очень разных людей, совершая этот ритуал не из каких-либо соображений, а просто по привычке...

Из машины я снова посмотрел на дом с палисадником и на удаляющуюся фигуру отставника. Как хотелось самому оставаться "отставником" – не втягиваться в игру бОльшую, чем та, за которую я возьму деньги... Так не хотелось становиться марионеткой кукловода - такой от нечего делать мог затеять забавную игру. Не мог же я в лоб задать вопрос отцу дочери, что он имеет ввиду прежде всего, нанимая меня для дочери своей – свою собственную утеху в заботе о дочери или всего лишь привычку потакать любой прихоти своего отпрыска, лишь бы тщеславие их обоих было удовлетворено?

А где растут у бестии рога?

А позвонил Виктор Петрович в тот же день, вечером. Назвал мне адрес, по которому надо было тотчас же ехать, потому что там меня уже ждала девушка по имени Юлия. И всем своим тоном, а особенно изменившейся манерой разговора – торопливостью в ней, он дал мне прочувствовать важность того факта, что меня *ждут*, а отсюда, что я должен непременно поторопиться, не заставляя человека – Юлию ждать... дольше...

Спустя час я подъехал к дому, который называют ныне сталинским и жить в котором считается удачей – не из любви к великому вождю, а из-за возможности сравнить дома этой добротной постройки с другими, что росли как на дрожжах при Хрущеве, а потом и при следующем деятеле... Неподалеку жил мой старый знакомый, да и я тут по молодости часто навещал давнюю свою пассию, так что окружающая архитектура этого района прежде всего напомнила мне небольшой фрагмент из прошлого; да еще я подумал, поднимаясь по лестнице, что старому знакомому следует хотя бы завтра позвонить, рассказать, что проезжал мимо и вспомнил о нем... Подумал просто так, уже имея привычку не волноваться перед каждым клиентом.

На третьем этаже, пройдя домофон, я был вынужден сразу посмотреть направо, потому что в дверном проеме стояла девушка: оттого, что свет исходил за ее спиной, фигура смотрелась силуэтом.

Я назвал ее по имени, и она что-то мне ответила – что-то членораздельное и не понятное по значению, но по тону не сложно было определить, что я шел верным путем и ждала меня избранная – именно Юлия.

Мы очень мило улыбнулись друг другу и на некоторое время наши глаза смотрели в самые зрачки друг друга. Есть такие мгновения, когда время замирает, и будто вечность прикасается к сердцу, так много дается в эти секунды, чтобы принять человека или почувствовать иное – всякое, кроме родства...

Квартира оказалась двухкомнатной, и более всего удивила меня обстановка. Таким могло быть жилище бабушки Юлии, а то прабабушки, но только не молодой особы, вот так вот смело и по-нынешнему одетой, такой молодой. Она и сказала вслух, предвосхищая мой вопрос или выдавая некую заготовку, чтобы так начать наш "коммуникативный процесс", будто я бы за деньги не придумал о чем говорить, с чего начать и чем закончить...

-Это квартира моей бабушки. Мне здесь всегда хорошо и уютно. Здесь я принимаю дорогих гостей. И вас пригласила... Мы не знакомы, но мне кажется, что здесь я буду под защитой бабушки. Она не даст вам обидеть меня...

Было понятно, что бабушка ушла в мир иной и было немного удивительно, что девушка... не лукавила. Она играла так хорошо волнение или действительно для нее наша встреча была значимой, и та задача, которую нам придется решить, - очень важной? В любом случае мне надо было начинать со "ступеньки подростка", чтобы не упустить ни одного нюанса в ее способах приятия реальности... Впрочем, все это всегда происходило само по себе – автоматически.

-А мы не будем обижаться... - сказал я – Давайте на кухне устроимся. Мое поколение любило разговаривать на кухне, и особым шармом мог быть даже легкий запах газа.

-Нет, у меня газом не пахнет. – пока серьезно говорила девушка и я краем глаза заметил, что она как-то все боком ко мне старается встать, все никак не посмотрит на меня спокойно и дольше, чем в то самое первое мгновение, не шаря глазами по полу. И создалось у меня такое впечатление, что встретившись со мною на пороге и рассмотрев поближе, она чему-то очень удивилась, раз смогла так пристально смотреть какое-то время.

Дальше я попросил разрешения закурить и выяснил, что она сама балуется иногда – курит; что легко воспринимает заядлого курильщика и что может даже выпить, если на следующий день не надо идти в институт. Создавалось впечатление, что она очень старается преподнести свой образ в соответствии с "требованиями" сегодняшнего дня, так рьяно афишируемыми вольными передачами по "тиви" – теми, что культивацией самого простого и низменного у толпы держат на уровне свой рейтинг.

Пора было брать Беса Прихоти за рога. Дождавшись, когда она усядется на табурет напротив меня, в последний раз задумавшись о величине своего гонорара, с которым следовало бы для начала попрощаться, я спросил ее:

-Если мы перейдем на "ты", ты позволишь мне задать тебе самый нескромный вопрос? Ведь ты имеешь представление, чем я занимаюсь и знаешь точно, для чего нас свела судьба... в лице твоего отца. Все мы хотим помочь тебе сделать выбор и получить свое, но никто из нас не может точно знать, что ты выбираешь? Как в рекламе, в которой утверждается, что нынешнее поколение выбирает Пепси, так же я сказать не могу, что ты выбираешь именно Васю, а не Петю. Так вот нескромность моего вопроса заключена только в том, что я не представляю, а хотел бы получить это самое представление, кого ты выбираешь и почему не выбираешь Васю с Петей, которые готовы были бы идти с тобой и с твоим отцом на край света...

-Какие Вася и Петя? – с раздражением выказала она свое сопротивление, – И причем здесь мой отец?!

-Ты права. – мне удалось быстро встать. – Тогда причем здесь я?!

Она "зависла" на несколько секунд. Глаза забегали вниз, как мыши по полу в предчувствии опасности, и она нашла-таки в себе силы, чтобы остановить смятение и посмотреть на меня теперь уже *своим* взглядом –капризным и злым; со слезливым блеском.

-Вы отказываетесь помочь мне?

-В чем? – я смотрел на нее спокойно, теперь уже зная лучше, с чем мне придется иметь дело, если она все-таки выдержит эту непривычную и неприятную для себя ситуацию и согласится признать для начала, что *ей помогают, а не она разрешает помочь себе...*

.-Но ведь папа вам сказал...

-Сказал, что ты хочешь любым путем получить парня, который пока на тебя не обращает внимания. Или все-таки знает тебя и просто стоит в позе, ожидая от тебя невозможного. Вообще, как ты можешь сама легко догадаться, я могу помочь тебе легче достигнуть желаемого человека, если ты мне просто расскажешь, как все началось и почему застопорилось...

-Так ведь Виктор Петрович должен был вам сказать все...

-Если бы Виктор Петрович сейчас сидел рядом с нами, он бы начал поспешно выдавать о человеке больше,.. ну скажем так, технической информации, а не той, которую можешь только ты знать. Тебе с ним общаться в дальнейшем, а не Виктору Петровичу... Иначе бы он своими мероприятиями наладил ваш контакт, не имея власти над вашими душами. А имею я такую власть? Нет конечно. И не буду иметь права. Тогда в чем моя функция заключается, как думаешь?

Она слушала внимательно и было заметно, с какого места она потеряла нить мысли. Не привыкшая сознаваться в собственных слабостях, она попыталась ответить на мой вопрос, и вовсе спутавшись:

-Ну... вы должны...

-Я ничего не должен. Я могу помочь тебе, согласна? Я еще не брал денег у твоего отца. Поэтому начнем с того, что я могу...

-Ну хорошо, вы можете помочь мне...

-Понять...- вставляю слово.

-Да, вы можете помочь мне понять, как сделать так, чтобы он... полюбил меня.

-Отлично, Юлия! Спасибо тебе большое за откровенность и извини меня ради бога, если я лишь показался тебе резким. Я не организую *острые мероприятия* для осуществления вербовки объекта. Я общаюсь с обаятельной и умной девушкой для того, чтобы понять самому, **что такое твой объект заинтересованности, как ты к нему относишься и каким ты представляешь результат? А еще – как ты представляешь мою помощь тебе. Что мы должны будем делать вместе?**

Все. Она сдалась. Пожала плечами и просто сказала:

-Ну, вы наверное будете давать мне советы, а я буду их исполнять...

-Так... Советов я не даю. А исполнять будешь шаг за шагом свое *желание*, да позволено мне будет так куце выразить мысль твою – желание... Дальше!..

-Что дальше? – все еще с раздражением, но уже без прежней ретивости, вопрошала она.

-Дальше – что именно должно будет произойти, чтобы ты сказала папе, что я тебе больше не нужен?

-Я и сейчас могу сказать ему, что ты мне больше не нужен.

-И что тебе мешает?

Она призадумалась, минуту, наверное. Смотрела на меня глазами сердитого ребенка, играющего в гляделки, и вдруг улыбнулась:

-Ничего не мешает. Я ему скажу, если решу, что вы ничего не можете сделать, чтобы помочь мне.

-Отличная реакция! Мы ее ускорили, чтобы потом, под самый занавес не вляпаться... Обычно говорят, что сами знали, как надо было правильно, или говорят, что простое стечение обстоятельств помогло... Чего только не говорят, ублажая свое тщеславие, правильно?.. Итак, ты решаешь, что я ничем не смогу тебе помочь, и я со спокойной совестью прощаюсь с вами... Согласна?! Мы поняли друг друга? И поверь мне, я буду тебе благодарен...

Она закусила губу, задыхалась часто и можно было подумать, что расплачется или устроит истерику... Однако лицо ее сделалось детским, капризным и вместе с тем... непосредственным. Она призналась:

-Андрей. Я запуталась совсем. Я не понимаю, что говорю... Потому что не понимаю вас...

-Не "вас", а "тебя". Если мы хотим понять друг друга, то надо на "ты". Если ты хочешь понять суть происходящего в твоей жизни, то надо брать по фрагменту и решать каждый фрагмент. Знаешь, если тебе придется выступать перед публикой, никогда не представляй ее как скопище готовых разъяриться баранов. Стадо состоит из отдельных баранов и если ты вступишь в лицо каждого, то вдруг почувствуешь, что бешенных всего двое, а то и один. Ну а что делать с таким, расскажу когда-нибудь потом. Нам-то с тобой не перед баранами выступать, а про одного барана надо узнать побольше... из твоих слов... Ты со мной согласна?

Она с готовностью закивала. Даже улыбнулась. Мне показалось, что передо мной сидит девочка несовершеннолетнего возраста – ребенок. И все показалось таким простым и примитивным – просто папа ублажает дочь, разрешая ей все, что может сам купить... Как мило.

-Что мне надо делать? – спросила она.

-Тебе надо просто рассказать, как ты с ним познакомилась, как обратила на него внимание и главное, как он отверг тебя?.. У нас с тобой два часа есть. Для начала свари мне, пожалуйста, кофе...

Она пожала плечами, встала и принялась за дело. В окно забарабанил будто пальцами дождь, и она, продолжая стоять ко мне спиной, то и дело поглядывала на свое отражение в стекле, за которым стояла темень; за которым было мокро и только лампочка где-то вдалеке единственной звездочкой напоминала о другой реальности, в которой я мысленно чертил путь домой, только предполагая, что возвращаться мне придется поздно...

Кто про что, а вшивый про баню.

Она курила, и мы сидели углом друг к другу, за столом, так что наши ноги чуть ли не касались. Она смотрела на свои ноги, когда говорила, а я смотрел куда попало – то на нее, то разглядывая те или иные места кухонного интерьера. Она настолько ушла в свои воспоминания, что, казалось, уже и вовсе не обращала на меня внимание, когда ее история подходила к концу...

-Так ты хочешь сказать, что он поначалу обратил на тебя внимание, а потом пренебрег тобой, ну то есть твоей ответной реакцией: ты улыбнулась ему, когда заметила его пристальный взгляд, а он, как самодовольный индюк, сделал "фе"?

-Ну в общем да. Только в твоей интерпретации как-то смешно получается...

-Всякое можно сделать смешным и простым, если не относиться к себе всерьез, – настолько, чтобы каждое свое желание и каждую свою эмоцию рассматривать под лупой. Меня сейчас интересует другой аспект твоего дела. Можно "поднапрячься" и переубедить тебя в том, что этот мужчина стоит твоего внимания и стоит тех усилий, которые нам придется приложить, чтобы получить возможность не только прикоснуться к нему, но и обладать им. Кстати, поясни, в конечном итоге ты бы хотела не только переспать с ним, но и получить его в мужья?

-Там будет видно.

-Нет уж, сударыня. Там видно ничего не будет, если сейчас не посмотреть. Будь последовательной и не перечь отцу своему.

Брови ее от удивления приподнялись – она даже улыбнулась, глядя зачарованно...

-Если отец твой готов пойти на любые ухищрения, -пояснил я - лишь бы помочь тебе достичь желаемого и, если я гарантирую тебе, что после сегодняшнего разговора ты можешь потерять интерес к парню, значит ли это, что не сам объект заинтересованности стоит твоих и всеобщих усилий, а именно ради воспитания в тебе привычки достигать любой цели затеяна эта игра? Ведь кому как не твоему отцу знать хорошо, что именно это качество – упорство - помогло ему взойти на тот уровень, с которого можно *заказывать* людей и успех. Чаще большинство отказывается упорствовать там, где нужна выдержка; чаще легче прикрыться моральными установками и клише, оправдывая собственную лень, а то и несостоятельность. А потом рассказывать, что не нажил добра, потому что не шел на компромисс с совестью. Согласна?

Она кивнула, хотя и дернула плечом – слабо, еле заметно.

-Тогда для начала примем как постулат, что тебе надо его достичь любой ценой, чтобы научиться достигать всего, что захочешь. Согласна?

Снова кивок и теперь без участия тела; разве что бровь слегка приподнялась, что в ней проявлялось всякий раз, когда сокрытого интереса ее я касался.

-Вот и скажи сама себе больше, а не мне, что ты в конечном итоге хочешь от него? Только не блуждай впотьмах романтических грез – не говори о нежном отношении, о танцах под луной, о любви... Первое – ты должна переспать с ним, второе – он должен остаться с тобой навсегда... На всю твою жизнь. До гробовой доски. Представляешь?! Ты со своей внешностью и с твоими амбициями будешь жить с ним вечно – до гроба, и ни разу не иметь возможности познать нечто иное, как это впервые ты делаешь сейчас. Ты разве не девушка?

-Нет... да... Ну в смысле я не девушка...

-Значит есть у тебя опыт интимных отношений с женщиной? Значит все прошлые были всего лишь подготовкой к этому единственному случаю, когда ты решила стать вечной женой. Знаешь, у Достоевского есть повесть под названием "Вечный муж". А я потом напишу роман: "Вечная жена"... Шутка – я не Достоевский, как можешь видеть – мне всего сорок лет...

Она смотрела с интересом на меня и похоже, ход моих мыслей ей нравился.

-Итак, мы пришли к выводу, что ради победы над очередным парнем, который оказался посложнее всех остальных, ты готова расшибиться в лепешку. Так?

-Ну почему в лепешку?

-Хорошо, поставлю вопрос иначе – поправлюсь, исправлю ошибку: ради того, чтобы обладать им полностью, я готова приложить усилия. Это значит, что ради того, чтобы быть с ним в ближайшую часть вечности, я сделаю все. Верно выразился?

Она улыбнулась и кивнула, а вслух сказала:

-Хорошо, я сделаю все, что ты мне скажешь, чтобы достичь его... - при этом смастерила на лице жалкое подобие улыбки, которую случается видеть у людей в минуты, когда что-то их унижает...

-А теперь скажи, чем отличается этот от других, то есть почему этот не отреагировал на тебя? Начнем с простого – с твоей внешности. Как ты была одета?

Она описала себя со стороны – все по ее мнению было оригинально и достаточно обнажено, чтобы обратить внимание на соблазнительные части тела.

-Ты была одета так, что он все-таки обратил на тебя внимание и, как поется в той песне, обернулся, чтобы посмотреть, не обернулась ли ты. И вот именно, когда ты обернулась, он... отвернулся... Значит, можно ли предположить, что этот тип заносится, как только на него обращают внимание... в ответ на его первичный интерес; что этот тип принадлежит к категории тупых охотников, которые подчиняются собачьему инстинкту? Заведи себе щенка и начни его учить команде "ко мне". Однажды в парке или где-нибудь еще он, щенок, пойдет по следу другой течки, и сколько бы ты не кричала "ко мне", пес будет увлечен инстинктом *сыскника* – не потому ли большинство так "тащится" от детективов, что имеет возможность идти по следу вместе с автором, особенно если автор в прошлом учитель пения или просто домохозяйка?.. Но мы несколько отвлеклись. Итак, пес бежит по следу, а ты за ним. "Шарик, ко мне!" – кричишь ты, а он, оглядываясь, бежит теперь уже от тебя. Так вот, если ты все-таки хочешь все изменить, оклики его и начни убежать. Уверю, он побежит за тобой – побежит тебя догонять... Так вот, вспомни поточнее и снова расскажи, как на допросе, что ты сделала и что выразило твое лицо, когда в последний раз, как тебе показалось, он посмотрел на тебя...

-Я, наверное, дурой выглядела. Потому что растерялась. Он как-то очень пренебрежительно посмотрел на меня, ну будто я "чмо" какое-то. И потом какие-то суки его окружили...

-А как ты думаешь, потом, когда ты все еще оставалась в этой "тусне", ты могла заметить, что он изредка да поглядывает на тебя?

-Вряд ли... Я вся завелась и... напилась... немного. А потом ушла.

-Естественно, вместе с другим парнем, даже если потом его отшила. Тусовка бомонда отличается той особенностью, что легко выяснить, кто есть "ху"? Ушла-то ты с парнем ниже рангом, чем он?

Девушка долго думала, прикидывая, прежде чем ответить, себе самой удивляясь.

-Точно.

-Мог ли он сделать утешительный для себя вывод, что ты не по себе выбрала объект – то есть его, а не того – второго?

-В смысле, что он не по мне, потому я достойна второго, с которым ушла – такого же "чмошника", как сама?

-Разве не ты также подумала бы, не зная о нем больше, чем сейчас он знает о тебе? А что он может знать о тебе? Что знают о тебе в этой тусовке?

-Откуда я знаю? Наверное знают, чья я дочь.

-А теперь будь внимательна. Как бы он выглядел в твоих глазах, окажись он таким же, каким было то большинство, которое ты отвергала всегда... после утех? Или он готов мериться успехом с твоим отцом? Если так, то скорее всего он будет искать девушку, чтобы быть для нее отцом – ту, которая ему в рот будет смотреть. Ты – его поля ягода?

-Не знаю. Мне кажется, я не совсем поняла тебя...

-Скажи, что поняла?

-Ну выходит так, что если бы он был таким, как все, кто у меня был, он бы перестал мне нравится... Ну как все... Подожди, значит он понял, что я западу на него, если он вот так, с пренебрежением... посмотрит на меня?! А ведь верно, если б он не посмотрел на меня вот так вот, как на "чмо" какое-то, я бы точно не завелась... Ну и что делать?

-Не торопись, пожалуйста.. Если ты спрашиваешь, как быть, значит ты предполагаешь, что прежней быть нет смысла. *А в вопросе – какой быть - есть намек по существу дела: надо быть какой-то. Легче – такой, какая ты есть на самом деле.* Все-таки я не верю, что ты охотник, который всю жизнь посвятит забавам с женщинами, пардон, с мужчинами...

Она отмахнулась, дескать, все пройдено и не важно с кем...

-Не важно с кем, если веселимся?

-Если под кокаином, то не важно бывает...

-И...

-И мне наплевать, что обо мне думают!.. Мне наплевать, что он обо мне думает!..

-Просто тебе надо "отыметь" его! Не больше, не меньше...

-Ну да...

-Отлично. Павлины распушают хвост, другие животные приобретают брачный окрас к сезону. Люди из вашего круга играют костюмами, стилями и целыми концепциями, лишь бы подчеркнуть индивидуальность... Ты умеешь это делать в совершенстве. Мне не надо долго и нудно рассказывать тебе, где выбирать мужчин, как строить глазки, как одеваться, на что смотреть прежде всего у мужчины, чтобы прогнозировать его поведение с тобой; как вести себя сразу, чтобы поставить себя на свое место и заставить мужчину ухаживать за тобой... Ты знаешь отлично, что если мужчина неопрятен и жаден, то.... Впрочем, такой и не подойдет к тебе, разве что с перепояю...Остается только машину сменить...

-А мне моя нравится...Я как-то привыкаю к одной и не хочу менять...

-Но ведь он меняет часто тачки...

-Откуда ты знаешь?

-Какая разница?

-Ааа, ну понятно! Тебе Виктор Петрович рассказал о нем все.

-Нет. Спроси у него. Я ничего о нем не знаю кроме того, что ты сказала. Зачем мне знать, если он такой же стандартный, как твой автомобиль. Тебе остается только принять его таким, каков он есть и привыкнуть к нему...

Снова удивление:

-То есть...

-То есть прими его априори как человека стандартного и поверхностного, который реагирует так же на все, как и ты, с той лишь разницей, что не привыкает ни к чему и ни к кому, а наоборот, стремится сделать все, чтобы быть свободным и иметь возможность менять – менять шило на мыло, а потом наоборот. Меняя свой облик и каждый раз желая преподнести себя по-новому, может быть,

поопрятней, разве люди вашего круга не стремятся только к одному – оказаться замеченными, или точнее – отмеченными среди своих? Ради одного мига или нескольких минут; ради даже одного дня "славы" они сделают все и пойдут на многое, даже на лишения. Я знаю одного парня, который нюхает кокаин из-за необходимости эпатировать вместе со всеми, а не из-за кайфа, но потом пашет до седьмого пота в спортзале, изгоняя из своего тела зло (это его определение наркотика). Так вот для кого-то тусовка – это место под солнцем, где можно заработать, а для кого – способ существования. Вторые чаще изгоняются из тусовки за ненужность, а первые остаются, управляя явно этой тусовкой. Есть еще и кукловоды, до которых вам с ним далеко. Так или не так?!

-Может быть. Все так сразу говоришь. Я не успеваю переварить...

-Так ведь торопиться нам надо. Не станешь же ты год ждать, когда он соизволит посмотреть снова на тебя?

-Нет, конечно!

-Итак, ты принимаешь его как пустышку, которая каким-то образом делает деньги в этой тусовке...

-Нет, по-моему. У него другой бизнес, и он гордится, наверное, что его приняли, что он достал билеты на вечеринку.

-Отлично. Этот тип наверняка знает, что ты его отшвырнешь от себя, как только он поведет себя так же, как остальные. Пока он только заметил тебя и заставил обратить на себя внимание, создав в тебе ощущение, что ты далеко не первая. И обрати внимание, что ты даже не заметила, есть ли у него другая. Ты только обратила внимание на то, что он тебя не заметил. Так? Так есть у него другая – конкретно его сука, если пользоваться твоей терминологией?

-Вроде бы нет. Вроде бы со всеми был, а конкретно не могу сказать, кто его... девушка...

-Когда ты в последний раз была на вечеринке?

-Так она почти каждую неделю устраивается. Вот во вторник снова намечается. В том же месте.

-Осталось только встретиться с ним и пересечься глазами или осталось только попасть в его поле зрения... Павлин распушает хвост. Распуши и ты свой хвост перед ним, потому что он это уже сделал – он обратил на себя твое внимание. Выводы! – ткнул я в нее пальцем. – делай вслух выводы.

Она аж встрепенулась. Передо мной была обычная девушка, которая забыла обо всей своей манерности и обо всех своих мелких "прикидах". Она держалась так, как бы это делала перед собой, будь она сама себе матерью...

-Ты знаешь, если тебя слушать, то получается, что он первым запал на меня... Здорово. Если б это было так на самом деле, я бы тебя расцеловала...

-Тебе придется это сделать... - очень по-деловому сказал я.

-Расцеловать? – оказывается, она могла быть смешливой так же просто и с такой же естественностью, с которой дети могут быть комичными, когда в присутствии взрослых высказывают свое мнение по поводу и без повода; когда готовы смешить взрослых дальше, впервые баловством достигая признания.

-Купить такую же машину, как у него, – я поправил ее, - и подъехать одновременно с ним к стоянке. Это мероприятие хорошо проведет твой Виктор Петрович. Потом, как только выйдешь из этой своей новой машины, лучше будет мило улыбнуться ему и даже подойти и спросить, как правильно отрегулировать режим работы "климат-контроля", дескать, слишком часто меняю авто и запариваться изучением техники не хочется... Ну не станет же он грубить. Он только способен будет показать в явной форме свою снисходительность; показать кнопки, на которые надо будет нажимать вам совместно, уединившись в кабине... Там ты пахнешь на него своим парфюмом, там ты пару раз случайно коснешься его руки, так ваши головы будут очень близко друг к другу, там ваши глаза пересекутся и между вами проскочит искра...

-Ты знаешь, еще немного пообщайся я с тобой, так и вовсе интерес потеряю к нему. Мне сейчас кажется, что я маньячка какая-то... Это ж надо – так законетелила, что папка аж психолога нанял, чтобы тот мне промыл мозги. У тебя получилось, блин!!! Тот первый все про мои чувства и про детство спрашивал, а ты конкретно по делу говоришь...

-Мы не про меня говорим, Юлия. Согласись, что влюбись я в свое отражение, вряд ли бы заметил тебя напротив... Итак, берем вариант, что он тебя сразу посылает – грубит. Что ты будешь делать?..

-Да нет, грубить он не станет. Никуда он не денется! Будет так, как ты сейчас со стебом рассказывал...

-И ты будешь стремиться изо всех сил оставаться рядом с ним...

Она заткнулась и призадумалась, вглядываясь в себя – в мир своих грез.

Ответила:

-Да, наверное... Вроде бы ничего плохого не сделал, а так хочется отомстить ему!

-Сразу?

-А как получится...

-А вдруг получится, что он поумней окажется – просечет твой ход и снова опередит тебя – отчалит с ходу! Что тогда?.. Нет, Юлия, придется наступить на глотку своей прихоти и после звонка по мобильнику, срочно уехать...

-Зачем?

-Полагаю, что не стоит объяснять тебе – взрослой девочке, что недосказанность и недоговоренность интригуют больше, чем открытость души или искренность, чем ум или оригинальность. Вас научили, впрочем, большинство всегда это любит, питаться суррогатами, и если сразу предложить естественный продукт, может случиться несварение желудка...Итак, ты покидаешь бомонд и в следующий раз оказываешься на тусовке раньше него – в скромном одиночестве или с "клеевым" парнем – его тебе тоже Виктор Петрович подберет. Как только он появляется, ты весело машешь ему, как вечная вдова новым постояльцам, и тут надо будет выдержать гораздо больший срок вместе. Тут нужно будет думать. Можно будет тебя оснастить специальной техникой, и тогда я буду слышать ваш разговор и вносить поправки, советовать что делать, а лучше, если ты будешь свободна от чужой воли и поступишь так, как получится, когда я тебя подготовлю ко второй вашей встрече... Вопросы...

Она встрепенулась снова. Уже в который раз я встряхивал ее, не давая возможности утонуть в мечтах, застряв на одной картинке, раскрашивая ее цветными карандашами.

-Какие вопросы?

-Вопросы ко мне есть?

-Вроде бы, нет.

-Тогда я поехал. Надо успеть до разводки мостов.

Я увидел в глазах каприз – ей не хотелось отпускать меня; ей не хотелось терять связь с будущим успехом и ради этого она пошла бы на любую уступку, тем более, что любая уступка здесь и сейчас никак не ущемляла ее достоинство, если не сказать иначе – вообще не была уступкой. Тогда как отсутствие необходимости уступать показалось бы ей неестественным процессом. Я спрашивал, она должна была отвечать, потрафляя своему желанию остаться рядом со мной.

-Есть вопросы, – нашлась она. – А если все-таки ничего не получится?

-Мы обговорили этот вариант и ты сказала, что он "никуда не денется": твои слова?

-Мои, но все-таки... – с ехидцей на лице она откровенно лукавила.

-Ну если ты сделаешь все, чтобы доказать мне во вторник, что сегодня я был не прав, возлагая надежды на твой опыт и на гибкость твоего ума, то... я не разочаруюсь в тебе, а просто лишусь своего гонорара... Деньги-то я возьму у

твоего отца только после *удачного вторника*. Скажем так – после того, как "осуществится успешный контакт"...

-Гонорар, как ты это называешь, я буду тебе платить. Поэтому мне нужен твой телефон, по которому я могла бы позвонить в случае чего.

-В случае чего звони по этому номеру. – я передал ей визитку.

Она взглянула на картонку и высказала свое замечание вслух:

-Интересная визитка – имя, номер телефона и адрес сайта. Ни кандидатов наук, ни должностей солидных, ни членства...

-Тебе это нужно было бы сейчас?

-Да нет.

-Вот именно. И всем не нужно бывает "потом". А в начале я не знаю обычно, кто после того, как связался со мной, посоветует своему другу, но не врагу обратиться ко мне. Кто заверяет раньше, чем открыл рот? Только тот, кто вообще, а то и сразу, способен утверждать, что он непременно станет твоим псом послушным...

-Да нет, - смутилась она, - просто у того психолога такая солидная визитка была и по прикиду он смотрелся солиднее, чем ты...

-Не стравливай, девочка. Не жди, что я сейчас буду расхваливать себя... Мне это не надо. Мне надо только, чтобы у тебя все получилось и мы разошлись... удовлетворенные...

Она метнула взгляд на меня и не нашла ничего на моем лице, что бы потрафляло ее прихоти. Вслух сказала:

-Мне тоже... хочется, чтобы мы разошлись удовлетворенные...

-Привыкла все и всех *иметь*?

Она закивала медленно, если так можно выразиться, "с расстановкой". Теперь это была наглая бестия, которую хорошо знал ее отец, вероятно, прежде познав самого себя.

-И я привык.

-Значит мы нашли друг друга? – на сегодня это была ее последняя надежда.

-Блажен кто верует... - думал я о гонораре.

-Аминь... Ты в любом случае получишь свои деньги. – читала она мои мысли. – Это я тебе платить буду. Будь добр, не забывай, пожалуйста...

О праве быть рядом

Сторожевой пес этой семьи позвонил утром рано и только спросил, действительно ли нужна новая машина для успешного проведения "мероприятия"?

-Вас отец дочери озадачил?

-Ну, в общем он бы хотел иметь гарантии успеха. Затраты не малые и если получится неудачно, то в общем... нежелательно.

-Нежелательно что? Идти дальше на поводу своего капризного отпрыска?

Наступила пауза. Я заполнил ее:

-Я не готов кому-либо читать нравоучения – не по моей части, но вынужден буду спросить его, нанимая меня, он хотел сэкономить средства, или это вам стало сложно маневрировать?

-Что ты имеешь в виду?

-Только то, что наше дело – разделять свои полномочия и не вмешиваться в дела друг друга. Вам всего лишь надо будет организовать таким образом контакт, чтобы она подъехала вплотную к его машине на стоянке. Думаю, мне не надо рассказывать, как это делается. *Отцу Дочери* надо будет всего лишь купить автомобиль в сотню тысяч долларов, а может и чуть дешевле... Мне ведь тоже не надо объяснять ему, как это делается. Так же, как не надо объяснять, что если дело не пойдет, в накладе никто, кроме меня, не останется. Я беру свои деньги только во вторник вечером. Или в среду, когда мы с ней встретимся. Или что-то не так, Виктор Петрович?

-Ну в общем ты меня понял. - сказал отставной полковник, – Всего доброго!

Наверняка, человек, любящий все прозрачное, слышал нашу беседу, и я только облегчил положение коллеги, которому не придется потеть, вычисляя мои скрытые намерения, а то и просчитывая планы... Похоже, пока мы с коллегой хорошо понимали друг друга.

Ко вторнику я стал забывать о *Дочери Отца*: стояла погода ясная и теплая, на даче можно было купаться вдоволь, спать днем и читать что-нибудь новое из сочинений любимых писателей - из того, что, к счастью, еще не прочитано. Особое чувство радости и свободы испытываешь, когда имеешь право читать то, что хочется, а не другое, одолевая которое зарабатываешь на жизнь. Вероятно, так уж устроены люди в большинстве своем, что если бы зарабатывали любимым делом, то всяко - раз в год - испытали бы отвращение к нему...Интерес бывает основан на неизведанном, а если ведомое становится признаком профессионализма, то как избежать рутины?..

Позвонила Юлия и вкрадчиво с непонятным для меня настроением сказала всего лишь фразу:

-У нас все получилось!

-Я рад, – отвечал ей. – До встречи завтра?

-...Да.

Я еще полагал, что позвонит Виктор Петрович, но не дождавшись от него внимания к себе, набрал номер сам:

-Это Андрей беспокоит. Добрый вечер! Мне позвонила Юлия. По ее мнению, все прошло удачно. Будут от вас замечания или какая "доп. информация"?

-О! Привет. Слушай, давай на "ты" переходи! А то чего-то мы с тобой как в управе перед начальником друг друга на "вы", да с подколкой...

Виктор Петрович был в хорошем настроении и, скорее всего, в хорошем подпитии. Я с удовольствием принял его манеру и поддержал его предложение.

-Понял. Это привычка старших по званию уважать. И не тыкать, пока они не дали разрешения.

-Вот я тебе его и даю. А ты молодец. Такое простое решение получилось таким удачным. Да и девчонка вела себя как будто ты ей под хвост перцу насыпал. Ну чего мне тебе говорить – она ведь по жизни была всегда такой. Смотрела на мужиков как волк на овцу - с явным высокомерием...

Я не смог не рассмеяться, пытаюсь представить, каким образом волк может выразить высокомерие на своей морде...

-...Короче, сегодня я только успевал за ней... Все прошло гладко и она даже не *кокаинилась*, даже колеса не глотала. Мой человек наблюдал за ней... В общем, встретимся – поговорим. Ты извини, дружище, я в ресторане с друзьями, кстати, коллегами. Все – бывшие. Хочешь, приезжай – банька ночью будет...

-Спасибо, я на даче...

-Далеко?

Я назвал место, он в уме просчитал путь и согласился, что сегодня ехать нет смысла. На том и порешили.

А меня осенила догадка, от которой стало несколько мрачно на душе, но прибавилось уважение к отцу дочери. Мог ли этот человек присматриваться ко мне прежде, чем спросить, стану ли я браться за дело более серьезное, более значимое, чем сводничество? Он не сказал мне, что дочь употребляет наркотики, будто бы это было безобидной шалостью. И он не мог не знать этого, если Виктор Петрович присматривал за ней даже на тусовках, приставляя "своего человека". И если когда-то потом он обратиться ко мне с просьбой о помощи, стану ли я ему возражать или торговаться?.. Вряд ли. Лучше было бы поскорее и успешно закончить это мероприятие и остаться знакомыми, как это случалось уже много раз.

На следующий день я приехал к ней ближе к обеду. Дверь распахнулась так скоро, будто она стояла под ней, ожидая моего прихода. Вероятно, с окна уже увидела и действительно стояла, ожидая услышать мои шаги.

-Кофе как всегда?! – спросила, с возбуждением в голосе, который сейчас звучал выше; и в движениях быстрая, импульсивная. Можно было даже подумать, что она находится под воздействием наркотика.

-С удовольствием! – согласился я с ней и принимая ее настроение, предположил вслух. – Глядя на тебя, можно подумать, что ты уже "вмазала" с самого утра.

Девушка замерла, посмотрела на меня внимательно, потом приблизилась. Честно говоря, я ожидал рукопашной... Заодно получил возможность всмотреться в зрачки. Они были расширены больше, чем обычно – чем в тот день, когда я пришел к ней в первый раз и познакомился поближе. Вообще, как не сложно догадаться, состояние зрачков зависит просто от настроения человека, от освещения и от особенностей самого зрения. Наблюдая за человеком и запоминая изменения зрачка, можно с немалой долей уверенности сказать однажды, что по зрачку видно, что человек несколько неадекватен. Но лучше понять об этом, просто пообщавшись на русском языке и заметив больше иных признаков, которые бы подтвердили это предположение...

-Я так и думала, что тебя приставили ко мне из-за этого...

-Чего?

-Ну папа поймал меня под кайфом... Я тогда кокаин пробовала. Потом я заметила, что за мной ходит хмырь один. Поняла, что Виктор Петрович присматривает. Ну, думаю, пусть ходит, мне-то что... Ну а теперь ты появился,

якобы помогать мне устраивать мои любовные дела... А заодно будешь установки давать, чтобы я не *наркоманила*?...

-Я смотрю, ты кофе сварила... Давай будем сегодня последовательными. Вначале я получу свой гонорар – заодно увижу, как оценивает мой труд твой отец.

-Оцениваю я! – поправила она меня и ушла в комнату.

Вернулась с банкнотами. Я не стал скрывать, что такого уровня оплата мне нравится – улыбнулся, довольный. Затем я вдруг обратил внимание, что сегодня на ней была слишком уж откровенная одежда, позволяющая мне разглядеть формы сосков на ее груди и предположить, что ничего другого, кроме прелестей тела под этой распахивающейся то и дело короткой юбкой нет...

-Спасибо. Ты извини, что я затронул тему, не предполагая, что ты так болезненно отреагируешь. Сама посуди, зачем мне браться за наркоманку, если я могу заработать деньги, будучи востребованным большим количеством людей, у которых есть будущее. Почему общество решило, что наркоманов надо спасать, что ими надо заниматься. Во все времена были люди, которые волей судьбы и по любым иным причинам становились изгоями и *самоликвидировались*. Раньше вообще были войны, после которых молодого населения оставалось мало – меньше. И все начиналось сначала. Зачем помогать там, где не просят о помощи, где, возможно, все уже предопределено? Я только про себя скажу – уже лет пять я не беру наркоманов, хотя в свое время умудрился не один десяток *нариков* вытащить... Слишком тяжкий этот труд, а главное – неблагодарный. Лучше ускорить процесс самоликвидации, избавляя близких от мук, а не зарабатывать на этом бешенные деньги. Человек без души и без цели в этой жизни найдет способ самоуничтожения и не наше право мешать ему в этом, согласишься? У тебя с детства все было, что еще ты можешь желать, кроме... Впрочем, ты права, что я могу знать о твоём детстве, о твоих страданиях...

-Да не было никаких страданий... И детство у меня было отличным. И жалеть меня не надо! – голос ее зазвучал отвратительно – так верещат некоторые женщины, когда говорят громко по телефону или когда капризничают; так высоко и мерзко ее голос еще не звучал.

– Меня не надо жалеть! Я что хочу, то и делаю! А я могу делать все, что хочу! Я лучше всех, у кого нет такого отца, как мой! А тебя наняли веселить меня – вот и весели! Хочу – играю с этим *засранцем* в любовь, хочу, нахожу другого и *имею* его! Это мое право!

-А при чем здесь наркотики и твоя наркомания?! – удивляюсь я в тон ей.

Она будто споткнулась, "переварила" мысль и отреагировала так, как поняла сказанное:

-А кто тебе сказал, что я наркоманка?

-Ты только что, когда рассказывала, что за тобой даже хвост приставлен, что однажды отец тебя под "коксом" застал...

Снова пауза и замешательство.

-Да, но если я иногда на тусовке пробую... Я вряд ли стану наркоманкой. Меня не тянет...

-Так ведь правильно – тянет к "герычу", когда уже небо не в радость, а в крапинку... Ты-то что?! Ты в начале пути и при чем здесь сегодняшний день и сегодняшняя твоя выходка?! Я всего лишь сказал, что ты возбуждена, как под кайфом, а ты так отреагировала. Я всего лишь могу проглотить боль, глядя, как такая, как ты, лежишь в гробу – вся в цветах, в окружении друзей отца, а главное – перед отцом, который будет стоять у твоего изголовья и глотать слезы... пока батюшка будет молиться за твою душу; пока не пройдут все знакомые мимо тебя – напудренной и с ярким макияжем; пока не закроется крышка и пока... вернее, когда гроб не уйдет вниз – в топку, где тебя швырнут в деревянном твоём макинтоше в огонь и ты превратишься в порошкообразное состояние... Я могу только горевать, что такая красота ушла в небытие, но не более того. Кто еще тебя

любит больше, кроме твоего отца и главное – тебя самой? И как грустно бывает круглые сутки с собой оставаться наедине... При чем здесь наркомания, если мне платят за конкретное сводничество? За игру? И ради бога, прости меня, что я так неловко сказал тебе про кайф... Я имел в виду просто радость, эйфорию... Кайф бывает ведь и от радости, когда желаемое вдруг оказалось достигнутым... Он был с тобой, и я приехал, чтобы ты мне рассказала, что он говорил и как себя вел, а мы с тобой из-за моей неловкости чуть не поссорились...

Последние слова я говорил тише и только наблюдал, как Юлия пребывает в каком-то своем мире, где продолжает смотреть картинки – видеть что-то такое сильное и значимое, какой бывает реальность, когда нам в ней больно... Я не мешал ей смотреть собственные похороны и только выразил на своем лице самое нежное отношение к ней, когда она подняла глаза и увидела меня, ожидая чего-то, готовая на что-то очень важное или глупое...

-Я... я... я не такая, Андрей... Меня еще никто так... не злил! И одновременно не тянулась я так ни к кому... Я уже не знаю, особенно после вчерашнего, а нужен ли мне этот Эдик... Ты как-то на меня влияешь нехорошо! Я все время с тобой разговариваю, даже в туалете. Будто ты все время рядом, будто мне надо что-то очень важное тебе сказать... Ты ставишь на мне эксперимент?

-Мы сегодня хотели быть последовательными. Ты говорила, что я приставлен к тебе, чтобы избавить тебя от наркомании. Теперь ты уверена, что больше всех из твоего окружения, на данный момент именно мне безразлично, что ты наркоманка. Было бы даже лучше, если б ты такой была и сегодня провалила мероприятие. Я бы потерял только этот гонорар, но избавился бы от необходимости общаться с наркоманкой. Сама подумай, что и я мог предполагать, что твой отец под предлогом сводничества готовится подпихнуть мне задачу, за которую я бы не взялся, а сейчас такими высокими суммами (я указал на карман, куда положил гонорар) намекает о возможном заработке от этой другой работы? Потому что он знает, что не берусь я давно за нариков, хотя... Хотя, какая разница, скажи?! Нам с тобой надо довести игру до конца, получая от этого удовольствие. Представь, что ты продолжишь свою жизнь и станешь женщиной состоятельной, взрослой. Вернее, наоборот – взрослой и состоятельной. И представь, что тебе придется полюбить парня, который сам не знает, чего хочет... Надо ли будет иметь сноровку, чтобы помочь ему найти желаемое – определиться с целью в жизни? Согласись, что человек привык желать, чаще не отдавая отчета в том, нужна ли ему эта цель, и разочаровываясь, достигнув цели. Ты же должна будешь научиться чередовать эти цели, делая жизнь ближнего разнообразной... - теперь я откровенно улыбался – Согласись, что радость от достигнутого сегодня померкнет, когда ты представишь о следующем твоём желании – тоже связанным с ним... Мне рассказать тебе, как у вас прошло знакомство или ты поделишься радостью от первой победы?

-Да мне уже и не хочется ничего рассказывать... - обиженно сказала девушка. – Вот уж точно – весь кайф пропал...

-Ну не совсем, если просто проанализировать и коротко изложить информацию.

-Коротко, все получилось лучше, чем я ожидала. Он сразу обратил внимание на машину... - говорила она медленно и выглядела рассеянной. – Сам подошел. Улыбается, манеры "понтовые". Говорит, что машина-то мужская, мол, для мужиков, а за рулем такая хрупкая девушка. Ну, я ему вдруг и выпалила, что как раз хрупкая и нуждается больше в сильном жеребце. Так и сказала – жеребце. Он вдруг расцвел весь...

-Ты в этот момент посмотрела на его машину?

Она задумалась, поискала в воспоминаниях нужный фрагмент, кивнула:

-Точно. Я смотрела на его машину. Мы вообще больше обращали внимание на его машину, хотя моя новая и стояла рядом. Странно.

-Но обрати внимание, что обращаешь внимание на его вторичный половой признак – машину, – ты получила лучший результат, чем если бы вы говорили о твоей машине. Запомни это, пожалуйста. *Человеку ближе он сам, даже если ты – такая же как он...*

Она улыбнулась и увлеченная своим рассказом, продолжила:

-Потом мы пошли на дискотеку – ну туда, в зал. Я была рядом, но вспомнила *вас* и как будто пошла сама по себе. Он пристроился, и я сказала ему, что хочу сегодня оттянуться по полной. Я знала, что через полчаса позвонит Виктор Петрович... Ну он пригласил меня в *vip-зону*, и мы сразу заняли столик. Заказал шампанское, фрукты – все, что стоит дороже. Вы же знаете, что там шампанское стоит 100 долларов как минимум, а вина – аж до тысячи... Он сказал, что на десерт угостит меня вином... Мне так хотелось потанцевать с ним...

-Чтобы он почувствовал, какая у тебя гибкая талия... - вставил я с видом тайного эротомана...

-Ну, может быть... Короче, все пошло как по нотам. Мне даже показалось, будто *вы* с ним в сговоре. Я даже подумала, что папа меня разыгрывает... Честное слово, не могу понять, почему он тогда в первый раз так на меня отреагировал?..

-Юлия, *как?* Сейчас скажи – как?

Она задумалась и сделалась очень уж серьезной. Постепенно лицо ее приобрело то самое выражение, которое больше выдавало в ней ребенка, чем любая взбалмошность...

-Так ты же все тогда объяснил, – снова перешла она на "ты". - Или я была такой неприступной... Черт его знает. Проще быть... простой... Но мне будто что-то помогало. О! Вспомнила! Мне все казалось, что *вы* где-то рядом, будто подсматриваете... или подсказываете мне?.. Хотя умом-то я понимала, что... *вам* до фонаря я...

-Ну, тут ты не совсем права?

-Да? *Вас* ведь только деньги интересуют...

-Давай не будем отвлекаться...

На меня смотрела победительница, которая, впрочем, мирилась с тем, что невозможно изменить...

-Ну, а потом зазвонила трубка и я ушла.

-Ага, вот так вот встала, ничего не сказала и ушла.

-Ну, нет, конечно. Сказала, что надо срочно ехать, что меня ждут. Он разозлился, но я так смотрела на него, что он попросил номер телефона. Больше всего я боялась, что он не спросит телефона. А он спросил...

-Ты счастлива?

-Не знаю, – дернула она плечом. - По твоим словам – все это ерунда. Но мне приятно... Хотя, странно. Раньше все так происходило, и я просто привыкла, что все так и будет. А сейчас...ценнее... Ты меня считаешь душой?

-Не торопись вешать на себя ярлык, ожидая, что тот, кто тебя полюбит, сдерет его. Ярлык может стать клеймом... И потом ты даже не замечаешь, как иногда переходишь на "вы" со мной. Это делает мне честь, вероятно...

-Да? – смутилась она от такого пустяка. – Действительно, не замечаю... Наверное, когда дистанцируюсь от... тебя...

-А может, прими другую версию, когда начинаешь хоть кого-то в своей жизни уважать?..

-Да пошел ты!

-И ты туда же! - игра стоила свеч, как пишут в боевиках.

Я встал и ничего не говоря, ничего не поясняя, собрался уйти. От неожиданности Юлия некоторое время наблюдала за мной, но когда окончательно убедилась, что я ухожу; когда я открыл входную дверь, она подскочила и взяла меня за руку – выше локтя потянула к себе, как иной раз делает ребенок, не в силах словом попросить прощения.

-Ну чего ты! Я пошутила. Так получилось... Ты что, обиделся?

-Что ты сейчас хочешь сделать? – с серьезным видом спрашивал я.

Она всматривалась в мое лицо и пыталась понять, что я на самом деле испытываю.

-Я хочу остановить тебя.

-У тебя есть ощущение, что ты унижаешься?

-Да нет, вроде...

-Сама точно не зная чего, но что-то еще ты ожидаешь от меня. Что-то по меньшей мере забавное? Или есть еще иные мотивы?

-Андрей, ну я так не могу все время себя анализировать! – она отпустила мою руку, потому что увидела на лице улыбку проказника; она готова была принять правила игры, если бы я лучше пояснил их.

-Общаясь со мной, таким душевным и нудным, ты все-таки научишься постоянно анализировать свои мотивации, а те, что непонятными останутся, запоминать, чтобы потом довести их до... прозрачности... - тут я, конечно же, вспомнил ее отца. – Твой отец-то все любит видеть насквозь...

-Ну, он так и говорит часто, чтобы я не юлила, что он меня видит насквозь...

-Но я-то теперь о другом. Я о нас с тобой. Мы играем, ты играешь с твоим Эдиком, а он с кем играет?

-В смысле...

-Еще раз повторяю – мы играем с тобой в игру, в которой разрабатываем модели представления реальности, а исходя из них – модели поведения, которые бы привели тебя к успеху – к желаемому результату. А желаемым результатом для нас с тобой является твоя прочная связь с Эдиком, когда ты будешь иметь возможность влиять на него повсеместно, абсолютно, если за абсолют принимать его состояние абулии... пардон, безволия. Так? Это игра, не более того. Это каприз твой, не более того. Еще ничего особенного не случилось, чтобы можно было сказать, что ты владеешь ситуацией и им полноценно... Но моя трактовка задачи верна?

-В общем – да, – пожала она плечами.

Я вернулся на кухню, сел на свое место и сказал, чтобы она снова сварила кофе. Эта девушка безропотно начала исполнять мою просьбу... Тут я ее и взял за руку, предложил сесть напротив, изображая на лице самое невероятное выражение – добродушие...

-Я занял свое место и только сказал тебе, что ты должна делать и ты, как по команде, начала исполнять это. Этот фрагмент в наших отношениях стал привычкой. Не опасной и практически малоприметной. Так вот, из таких коротких и малоприметных привычек и строится отношение между мужчиной и женщиной. Да, конечно, такая привычка, как наша, мало что обязывает, но между тем она есть...

-Интересно, никогда над этим не задумывалась... А ведь мне действительно очень хочется сварить тебе кофе. Прямо аж зуд под кожей. Мне кажется, если я не сварю, ты обидишься...

-И... договаривай, чего больше всего боишься? Я обижусь и ...

-Ну, уйдешь!

-Значит, я уже *шантажирую* тебя, играя на твоём желании побыть со мной еще и одновременно на страхе потерять возможность иметь меня рядом, иметь меня на моем месте. Я знаю твою *нужду* и этим простым, принявшим чуть ли не ритуальный характер, действием (варка кофе), закрепил в тебе *чувство зависимости*. А теперь вопрос, моя дорогая Юлия: *Кто из нас кому доказывает свое право быть рядом?*

Думала она долго, может быть, с минутой...

-Не знаю. Я, наверное...

-А когда ты ушла внезапно от Эдика, предоставив ему самому тешить свое тщеславие, он еще не дошел до состояния необходимости, чтобы доказывать тебе свое право быть рядом, но он ощутил потребность в тебе... Похоже на правду?

Она кивнула.

-Так как же приучить его малыми шаблонами к тому, чтобы он был вынужден всегда доказывать свое право быть рядом с тобой?

-Все, не могу больше! – она вскочила с табурета и подошла к окну, потом резко развернулась, присела на подоконник – благо широкий в постройках сталинских времен.

-Не знаю я, не знаю. На это ты есть! Ты мне обещал разработать новый план действия в следующий раз...

-Так мы этим и занимаемся...

-Я пока ничего не понимаю.

-Не надо понимать. Надо правильно делать, когда интуиция работает. С ней – с твоей интуицией – я сейчас и имею дело. А твое дело – пытаться думать... И все-таки свари мне кофе.

-Не буду! – откровенно кокетничала Юлия; подождала несколько секунд – встану я, чтобы уйти, или по-прежнему буду сидеть и смотреть на нее...

-Ладно, я тоже хочу кофе... А с тобой забавно...

-Как с клоуном в цирке... Когда тебе пять лет и ты в первый раз с отцом оказалась совсем рядом от арены. На тебе, наверное, белое платье и ты очень этим гордишься...

Теперь уже стоя у плиты, она покосилась на меня, закусила губу и уже отвернувшись, сказала:

-А я помню, как очень давно с отцом в цирк ходила. Мама тогда с нами была... Эта стерва... Господи, почему мне так хочется тебе все рассказать?!

Шаловливые руки – ниже пояса.

День стоял теплый, и только к вечеру с Финского залива подул прохладный, а потом, как стемнело совсем, так и вовсе холодный ветер. Эта девочка решила разнообразить свою жизнь, втягивая меня в круг своих интересов, будто игрушку в песочницу, которую арендовал ее отец. Она решила пригласить меня в ресторан и там обсудить удачу следующего хода, который мы с ней разработали в последнюю нашу встречу.

Она заехала за мной чуть ли не к самому дому, все намекая по телефону, что мне достаточно выйти из подъезда и сесть в ее машину. Похоже, она быстро усваивала правила игры и прежде всего стремилась на мне отработать каждый новый прием.

-...Ну, не стану же я звонить в твою дверь... Зачем ты сопротивляешься; разве не *клев*о показать соседям, какая за тобой дама заезжает?

-Мне – нет. Я бы не хотел, работая гинекологом, чтобы мои пациентки приходил ко мне домой...

Она запнулась и все-таки нашлась с ответом:

-Ты, кажется, божий дар с яичницей спутал...

-Тебя бы не спутать с другой, – огрызнулся я.

-Андрей, и не надейся, что с тобой поссорюсь. Пока ты меня забавляешь. У тебя есть чему поучиться. Я с тебя не слезу, пока ты мне нужен... А тебе деньги нужны. Тебе они всегда были нужны, а мне, может быть, всегда был нужен такой наставник...

-Верно – деньги не пахнут, – черт его знает, почему я так сказал...

Она помолчала в трубку, потом спокойным и даже ровным голосом сказала:

-Зато ты всегда хорошо пахнешь... Во всяком случае мне твой запах понравился... Куда мне подъехать?

-К метро...

В потоке машин этот джип – новенький и с такими яркими фарами (она почему-то освещала себе путь дальним светом) – выделялся уже по "статусу" своему. Ночью сквозь затемненные стекла увидеть водителя было невозможно, и только когда раздался короткий сигнал, когда затем открылась ее дверь, и она даже вышла, я не сомневался, что меня ждет "убранство" ютилица современных героев, непривычная еда и разговор на тему: "он и она".

Ресторан она выбрала самый престижный и, как потом оказалось, место для нее было забронировано. Краем глаза и очень скоро я заметил фигурку человека, который, должно быть, и был к ней приставлен. Впрочем, этот мужчина крепкого телосложения особо и не прятался – он выполнял свою работу и о другом думать не хотел: к чему конспирация, если выгоднее быть ближе, даже на виду, намекая мне на всякий случай о незримом присутствии отца дочери, а ей – о неусыпном контроле...

После ритуала с выбором блюд, она закурила длинные сигареты и мне предложила попробовать:

-Это из "дьюти фри" – настоящие – не нашего производства.

-Спасибо. Ты сегодня выглядишь потрясающе!.. Как прошло мероприятие?

-Ништяк... -сказала она, откопав в своем лексиконе это старое, как мне казалось, позабытое слово. – Мальчик повелся. Следующая наша встреча пройдет в постели...

При этих словах она как-то особенно посмотрела на меня. Я был увлечен процессом прикуривания и мог ведь не обратить никакого внимания на ее нарочитую оттяжку с ответом по существу...

А она, выдувая дым в потолок, еще некоторое время смотрела на меня. Потом что-то для себя решила и принялась за рассказ:

-Ты в тот день ушел утром, а он позвонил буквально минут через 15. Ну, разговорились, я прикинулась, что сонная очень... Короче, назначил встречу. Я почему-то отказалась встречаться в тот день и вот – отложила на сегодня. В принципе, все правильно сделала – надо было, чтобы все, что ты сказал, как-то улеглось в голове... Правильно я поступила?

Я кивнул, но вслух заметил:

-Вот только не понятно, почему я узнал только сегодня, недавно, что ты встречалась с ним и что хочешь пообщаться со мной? Будто у меня не может быть своих планов или ты сглаза боялась моего?

-Какие глупости! Какого сглаза?! Да ничего я не боялась. Я вообще не понимала, что со мной происходит... Я просто вредничала, я просто хотела совсем с тобой прекратить отношения и заодно – кончить с этим самоуверенным ублюдком... Кстати, вы с ним чем-то очень похожи. Вот только он самоуверен на бабках, как выяснилось, папашки своего, а ты самоуверен... сам по себе. Ты, наверное, всегда таким был. .. Я бы в тебя влюбилась по уши, учись я с тобой в одном классе. Скажи, в тебя многие влюблялись... в смысле – в классе...

-В ублюдка? – я понимал, что она по-девичьи, по-женски мстит мне за то, что была вынуждена проглотить давеча, договариваясь со мной о встрече. - Что мне тебе ответить, чтобы ты приступила к главному?

-Ничего не отвечай. Просто скажи, что все в классе были в тебя влюблены... А про ублюдка - сорвалось, извини. Сама не поняла, как получилось. Я такое делаю, когда меня обижают. Я ведь злопамятная...

-И ты извини, что обидел тебя...

-О! Мы так скоро признаемся друг другу в любви...

-Скоро – не сейчас, правда?

-Блин! Ну до чего ты мне нравишься! Был бы женщиной, был бы такой стервой!

-А стервы разве дружат?

-Стервы только и делают, что дружат с себе подобными... Подкарауливают друг друга, чтобы вцепиться в загривок. А мы-то с тобой – разнополые...

Она рассмеялась и я решил поменять тему

-А как ты поняла, что в следующую встречу ты ляжешь к нему в постель, причем не как все остальные, кого он укладывал, а как бы будучи на его месте? То есть я хочу спросить, почему ты решила, что в следующую встречу именно ты *отымеешь* его, а не наоборот? Кто скажет, что лидерство будет за тобой, инициатива принадлежит тебе, желание будет твое реализовано с учетом возможной "пролонгации" или без учета будущего интереса с твоей стороны, но с одержимостью от него...

-Стоп! Я поняла, как ты мною манипулируешь, заваливая вопросами и постепенно меняя смысл как таковой...

-Стоп! Я обучаю тебя большему, чем просто способам манипулирования молодыми парнями. Если ты заметила, как я заваливаю тебя вопросами, ты должна была заметить, как я быстро останавливаюсь, замолкаю, когда ты быстро реагируешь... Начни ты мне отвечать на первый вопрос, и я приведу тебя к своему мнению другим путем, а не коротким. Но здесь и сейчас мы должны с тобой просто вспомнить сегодняшние события, а ты должна просто проанализировать совершенный тобой поступок, поступки...

-Тогда я в общем отвечаю, как я думаю, что я его *отымею*. У меня запечатлелось...

Принесли блюда, и она замолкла. Приняла тарелку, попросила себе налить полбокала вина. Я тоже кивнул официанту, указывая на вино, хотя и с отвращением... (она еще не знала об ограниченных моих вкусах – кроме виски и коньяка, а в самом худшем случае – водки, ничего иного я не научился пить, когда часто приходилось это делать по долгу службы...)

-Я запомнила, как ты сказал и тут же показал мне, что... для того, чтобы мужчина был вынужден все время доказывать свое право быть рядом, необходимо как одну из составляющей иметь представление о том, **что я могу сделать из того, что он хочет и что я никогда не сделаю из того, что он должен делать ради меня...** И получилось все очень просто – проще, чем казалось вначале... Давай, начнем есть, и я тебе все расскажу по порядку. Это, действительно, интересным кажется сейчас. Интересно, потому что в голове все уложено, как по нотам расписано.

-Действительно, чем нас хаос привлекает? Только вседозволенностью в эмоциях и иллюзией загадки, когда мы не можем объяснить себе поведение партнера, сами усложняя собственное поведение настолько, насколько возможно, чтобы выглядеть... страстной... - вставил я зачем-то свою ремарку.

-Ну ты, философ, ты меня будешь слушать? Не разыгрывай из себя *бухаря-собеседника? Не прокатит...*

-Есть буду и слушать... Причем оба дела буду делать с удовольствием. Потому что я могу это делать ради тебя, но никогда не сделаю то, что ты должна была делать ради меня...

Сообразила она быстро, искренне удивилась "открытию":

-Так ради тебя я пошла на встречу с ним и довела дело до постели?

-Скажи сама. Вспомни, сколько раз ты отказывалась продолжать "дело"; вспомни, как держала меня за руку, когда я уходил... И спроси себя сейчас, а нужен ли он тебе, когда потерял "загадочность", от того, что стал понятным и послушным? Ради кого ты это делаешь, если я сказал тебе, что дело надо довести до конца, чтобы иметь практический опыт в будущем?

-Ради себя тоже..

-Вот и получается с другой стороны, что я буду продолжать делать то, что ты хочешь – обучать тебя гадостям, но никогда не сделаю то, что ты должна делать ради меня – исполнять эти гадости...

-По-моему, это тавтология...

-Пусть будет по-твоему... Рассказывай...

-А мне уже и расхотелось...

-Тогда давай есть...

-Андрей, зачем ты каждый раз так делаешь – кайф ломаешь, когда хочется рассказывать с удовольствием, что ли...

-Ты после такого "кайфолома" лаконичной бываешь в рассказе – вспоминаешь, если так можно выразиться, "по существу"...

-Но почему надо ломать кайф от рассказа, от воспоминаний?

-Чтобы привычкой стало быть здесь и сейчас больше, чем в фантазиях и воспоминаниях. Попробуй в таком состоянии рассказать все, что было и заметишь, что будешь пребывать одновременно и там и здесь. Но больше здесь – цени то, что имеешь, даже если всего лишь играешь. Там ты думала, как будешь отчитываться мне, хвастая успехом, а здесь ты просто хвастаешь. Тогда вопрос – где же ты существуешь сама по себе – та, которая имеет право быть естественной?

-Во загнул... Да здесь, наверное, где еще. С тобой! Черт бы тебя побрал! Я с тобой стала естественной, я тебя не стесняюсь совершенно, ты меня читаешь раньше, чем я сама себя понимаю... Ты привязал меня к себе и думаешь, что тебе все потом сойдет с рук?..

-Знаю, Юлия, что в каждой шутке только доля шутки... Но к чему мне бояться будущего, если мне сейчас с тобой хорошо и радостно, хотя я так не хотел вылезать из дома...

-Врешь... Тебе деньги нужны. И я тебе их привезла... - она порылась в сумке и передала мне конверт – запечатанный. Вскрывать я его не стал и обратил внимание, что она приняла это с довольством, с радостью; приняла это как взаимное выражения доверия... Вероятно, она подумала, что деньги стали играть меньшее значение для меня, чем она, когда мы рядом друг с другом...

-Ну, теперь я могу рассказать?..

-Можешь. Вот теперь я буду молчать...

-Тебе деньги нужны были?

-Конечно.

-И это то, что я должна делать ради тебя?

-В наших отношениях – да. В твоих с ним – нет. Вы с ним одного уровня.

-Понятно. Мы с тобой не ровня. Я могу дать тебе все, что ты захочешь из материального, но никогда не дам тебе то, что ты мне даешь из... духовного... Так ведь ты сам говорил, что это одна из компонент, манипуляция которой составляет зависимость..

-Одну из ее граней... - уточнил я, – Все верно. И если мы с тобой все еще общаемся, значит эта компонента, эта грань – живет, работает, переливается, отражая белый свет... Ну, так как там все было?

-По сути – просто. Он предложил мне получше узнать друг друга, и мы решили вот в этом же ресторане посидеть. Вон за тем столиком сидели – она указала в угол помещения, на столик ближе к окну. – Ну он пытался понять, чем я занимаюсь. Узнал, что учусь в юридическом, догадался, что сейчас на каникулах. Удивился, что не за рубежом, а в стране.

-А ты не сразу ему сказала, где учишься?

-Да. Не хотела вообще говорить на эту тему, но когда он сказал, что окончил юрфак, призналась, что тоже учусь... Он бензином занимается вместе отцом. Говорить конкретно не стал. Все про меня хотел побольше узнать... Вначале было скучно, а он все пытался узнать, куда я в прошлый раз укатила? Я ему так и ничего вразумительного не сказала. Сказала просто, мол, по делам, надо было и быстро поменяла тему. Сказала, что сегодня у меня есть два часа, как ты тогда предложил сделать, что, мол, по времени ограничена, а потом добавила, что хотела бы побольше узнать его, потому что чувствую в нем силу, которую редко у кого встречала. Одним словом, перевела я тему на него и тут понесло мужика... Хвастать начал, рассказывать про себя, про свои подвиги, между делом афишируя свои возможности. Я удивлялась и между тем рассказывала о своих знакомых девушках, которые переживают из-за того, что их бросили парни. Сама удивлялась, как можно переживать, если парень не обратил внимание: что здесь такого, не всякому верить, кто мило смотрится. Сказала, что сама никогда еще не влюблялась. А потом вставила ему, что считаю, что любовь может быть только взаимной, а все остальное – чья-то прихоть. Тут он задумался и удивился, почему тогда все так страдают, почему вечно одна любит другого, а тот, как в анекдоте, любит *другого*... Я сказала, опять-таки памятуя тебя, что в основном люди шантажируют друг друга, однажды нащупав слабость другого. Он спросил, как это? Сказала ему: "Если я почувствую, что ты очень хочешь со мной переспать, то я должна начать оттягивать этот процесс, заставляя тебя гнаться за мной. А отдаться должна, когда ты будешь на издыхании. Тогда и слаще." А потом быстро пояснила, что чаще люди увлекаются этой игрой и доводят дело до абсурда, желая больше подчинить, унижить, чем... отдаться. То есть жажда власти поглощает естественные желания. В конце добавила, что это всего лишь версия... Моя версия... Он очень заинтересовался темой и спросил, как я поступаю, если так рассуждаю. Я сказала, что не ломаюсь никогда, что легко иду на сближение только если желание партнера взаимно. Иначе легко справляюсь с собственной

прихоть. Ну тут он и попался – спросил: "Ну а если все-таки полюбишь того, кто будет безразличен к тебе?" Я ответила ему приблизительно так: "Я никогда не сделаю того, что он должен сделать для меня. но всегда готова делать все, что могу сделать для него." Вот он и спросил, что я никогда не сделаю для любимого?

Юлия широко и как-то очень уж откровенно рассмеялась, будто бы уличила кого-то в шулерстве, в первый раз играя в карты:

-Я сказала, что никогда ради любимого не унижусь... перед ним... Вот тут его зацепило. Я даже не поняла, чего я там в нем затронула, но он вдруг как начал распалаться, дескать, он сам ненавидит и презирает тех мужиков, которые унижают женщин... Ну, а я в тему вставила, что ненавижу баб, которые как стервы унижают мужиков, доводят их до скотского состояния. Одним словом, мы объединились в борьбе против "чужих". Ну и последний вопрос, который его очень интересовал... Это как я поняла... Он спросил, когда два часа были на исходе... (честно говоря, я забыла... Но Петрович все равно бы позвонил) "Меня-то, говорит, ты всерьез принимаешь?" О чем базар, говорю. Серьезнее не бывает! Вот тут, конечно, могла переборщить. Я привыкла, что ты не реагируешь на мои выходки. А раньше пацаны были такие, что хоть плюй им в лицо, не обидятся. Этот нахмурился, как-то нехорошо посмотрел на меня. Ну, я и пояснила, что не умею про серьезное говорить серьезно. Вспомнила опять тебя и чуть не сказала твоими словами: "Что чувствуешь, чувствуй и не надо "трендеть" словами про это..."- сказала ему помягче, как-то даже нежно...

-Понятно. Только плевать мне в лицо не надо – я действительно обижусь...

Она слегка сощурилась, будто прокрутила внутри себя ленту обратно, прослушала "запись" своего голоса и нашла-таки тот момент, когда высказалась последовательно о моей терпимости и о тех, кому можно было в лицо харкать.

-Опять у меня это получилась... Слушай, а может я так раньше со многими делала, отчего люди вдруг заводились? Откуда во мне это?

-Юлия, коли заметила, значит в дальнейшем станешь контролировать эту привычку. А в следующий раз вы переспите. И эта тема – самая главная для главенствующего большинства среди людей...

-Знаю. Давай, учи жизни... – глаза ее загорелись, она закурила следующую сигарету; приблизила лицо ко мне.

-Слушай историю из моей практики, а выводы делай сама... Однажды ко мне пришла женщина, которая попросил помочь ей понять, вернее, разобраться в себе, почему всякий раз, когда с мужчиной все улаживается, она совершает один и тот же "поступок" – расстается с ним? И рассказала, что в последний раз собрала его вещи, когда все было ну просто прекрасно, как она выразилась сама. Юлия, я не стану рассказать тебе обо всех нюансах в их отношениях – там все было как у людей и все очень банально. Но вот особенность, которая всегда ею "опускалась", была особенностью ее поведения, что шло от неверного представления о "формате" секса. Как ни странно, каждому мужчине, как много бы он не старался и как хорош бы он не был, она говорила одно и то же, вернее, давала как-то знать, что он не тот, которого она однажды знала, который мог два часа делать так, что пот градом катился с них, и она была измотана до потери сознания. По ходу нашего общения я спросил, был ли на самом деле такой мужчина, который на два часа перевоплощался в отбойный молоток? Она помялась, а вконец призналась, что ищет всю жизнь такого, потому что мама сказала, что муж ее, то бишь отец клиентки, был такой, что мог два часа долбить без остановки. Ну мне ничего не оставалось, как спросить ее, как она сама представляет, с какой частотой он работал? Она посмотрела в потолок и я ей подсказал, как лучше продемонстрировать свое представление – предложил с такой же частотой постучать одной ладонью о другую. Даже показал ей. Она начала стучать. Я попросил ее делать это откровеннее – сильнее. Она согласилась. В комнате ритмично зазвучали шлепки. Через минуту я сказал ей, что мы оба будем ждать завершения этого процесса... спустя два часа. Тогда она и смекнула,

что физически не выдержит два часа стучать ладошкой об ладошку. Мог ли мужчина два часа молотить с такой силой, главное – с такой частотой. В спорте есть четкое подразделение спортсменов на спринтеров и стайеров... Темп же ее был явно спринтерский... Но суть дела пряталась не в этой глупости, а в возможности задать себе другой вопрос: почему мама внушила дочери эту глупость? Женщина ответила сама: старуха всегда ревновала ее к успеху у мужчин и главное, в сожительстве с ними играла всегда роль Лепорелло. Ну, а в конце клиентка проговорила в одной фразе. Она сказала между прочим, что из-за этой глупости всегда оставалась одна. "Потому что научились предвосхищать расставание, когда мужчина охладевал к вам: вы попросту первой его спроваживали?" – спросил я ее. Она призналась, что да...

-Дура какая-то! – вынесла свой вердикт Юлия.

-Не торопись судить так строго. Эта женщина воспитывалась матерью в те времена, когда с трибун книжники и лицемеры заявляли, что в нашей стране секса нет. Но тогда же ведь жила и другая женщина (другая моя клиентка), которая между прочим поведала мне тайну своего успеха у мужчин – особенно в сексе... Помню ее фразу: ***Я всегда очень хочу, всегда стремлюсь кончить с ним, но я не знаю, отчего это зависит, когда это получается...***

Юлия призадумалась, вероятно, сверила этот тезис со своим опытом и вслух сделала заключение:

-Лихо.

-Сама знаешь, не быть способной кончить с мужчиной – это по меньшей мере безграмотность... Эта же клиентка сказала мне, что когда слышит, как женщина жалуется или бахвалится отсутствием оргазма во время секса с мужчиной, она воспринимает это как откровенное признание в собственном бескультурье. Ведь ни один мужчине не бравирует импотенцией, тогда как общественная мораль закрепила за слабым полом право... быть неудовлетворенной... по вине мужчины.

Юлия закивала с выражением на лице человека, вступившего в тайный разговор...

-Можно же самой себя изучить хорошо... собственными шаловливыми ручками... - и засмеялась как подросток-эротоман.

В тон ей я высказался, заканчивая свою мысль сентенцией:

-Но зачем всякому самцу знать, что он способен удовлетворить каждый раз, если весь смысл его отношений с женщиной умещается в руку, которую он не удосуживается поднять выше своего пояса?..

Слишком "сильно" на меня смотрела в эти минуты девушка – я ведь претендовал на роль соратника...

-Ты что, готова прямо сейчас отдаться? – пытался я сохранить дистанцию.

-Дурак старый! – пыталась она оставаться по-прежнему циничной...

Богу – богово, а кесарю – стабильность...

Близилась выходная, и уже имея чуть большее представление об этой Юлии, я только предположил, что она наметит новое предприятие, чтобы поставить меня перед более сложной задачей, чем простое общение с ней на кухне.

Вначале мне позвонил Виктор Петрович и предложил встретиться. Не стоило переигрывать его планы, и я потратил целых три часа на дорогу и на разговор с ним, намереваясь после смыться на дачу и выключить мобильник.

-Ну, в общем тут такое дело, Андрей... Претензий к тебе у него нет и можно считать, что твоя работа выполнена, но он спросил меня, рекомендовал бы я ему тебя на одну должность, которая у него сейчас есть... Вернее, вакансия есть. Понятно, да?

-Ну, так ты ж собрал на меня информацию. Рекомендуй... Или говори, чего ради я проехал полгорода, чтобы пожать тебе руку...

-Вот ты бодливый-то какой, а?! – покачал, впрочем, не без улыбки Виктор Петрович головой своей седой. – В том-то и дело, что рекомендуя тебя, я потом буду нести ответственность, когда ты взбрыкнешь. А такие, как ты – всегда взбрыкивают в самый неподходящий момент. Ты даже в управлении когда работал, начальника своего умудрился так послать, что он только на второй день спохватился... Об этом потом судачили.. А ты – бац ему на стол рапорт об увольнении... Демократия – понятное дело...

-Не о том ты, Виктор Петрович. Ты лучше расскажи мне, что было потом, и кто кем стал из начальников...

-Что ты имеешь в виду?

-Только не их должности... Я про офицерскую честь говорю...

-Так ведь пойми, чудак-человек, это ты нашел себе применение, имея возможность остаться одиночкой. Они не все так могут. И я не мог бы тогда уйти, теряя стаж...

-Будем вспоминать тех, кто оставался или тех, кто остался в друзьях?

Он хлопнул меня по плечу, развеселился:

-Верно ведь! Эта перестройка всех по местам расставила! Верно заметил – дорожке стали те, кто в друзьях остался, а не те, кто гнул линию на демократизацию. Все-таки надо с тобой как-нибудь поговорить – соберемся мужиками, да забудимся ко мне на дачку. Каждому есть что вспомнить...

-Ты думаешь я откажусь?..

-Нет, конечно... Так что мне ему сказать-то?

-Лучше будет, если скажешь, что не внушил я тебе доверия...

-Оппа! Тебе что, деньги не нужны? У него ж стабильный заработок.

-Нет, Виктор Петрович, не хочу я его стабильности. И сам догадаешься, почему... В середине девяностых я не раз был стабилен, как зернышко на колоске... перед сбором урожая... Не верю я в его стабильность...

-Так-так-так, интересно, а ну-ка пройдем отсюда подальше... - он буквально потянул меня за собой – дальше от дверей офиса, в котором располагалось то частное охранное предприятие, которое придавало его должности у отца дочери шарм официоза...

-Давай пройдемся по набережной...

Я не спорил, не сопротивлялся, будто был готов ему ответить откровенно на тот вопрос, который он мне поставит через пару минут...

-Ну, так что ты имел ввиду, когда сказал, что не веришь в его стабильность?

-Только то, что сказал.

-Да, но ты сказал это так, как будто что-то знаешь...

-Больше, чем ты?

Виктор Петрович начинал сердиться...

-Ну сам посуди, зачем ты меня сюда позвал, если мог избавить себя от необходимости брать ответственность, всего лишь отказываясь меня рекомендовать на так называемую "вакантную должность". Так?

-Допустим...

-Допустим, что он потребовал от тебя этого разговора, который сейчас происходит, и ты исполняешь его указание. Так?

-Ну, не совсем так. Это и моя инициатива. Работать с профи лучше, чем обучать кого-то там...

-Согласен. Тогда скажи себе сам, зачем Ему я нужен, который всего лишь помог его дочери "охомутать" балбеса. Зачем я ему в его делах, если рядом всегда будет маячить дочь?

-А почему она должна маячить?

-А разве она не маячит, требуя исполнения самых идиотских прихотей?

-Ну давай-давай, говори-говори, чего имеешь в виду?! – кажется, сама постановка вопроса заинтересовала старого борзого...

-А чего я могу иметь в виду, кроме очевидного?! Она шепнула отцу, что не хотела бы со мной расставаться так скоро, отец по результатам моей работы предложил тебе рассмотреть меня в качестве твоего зама или что-то в этом роде, ну а ты хочешь понять, стоит ли тебе связываться со мной?.. Так вот я предлагаю тебе для начала сказать ему, что не рекомендовал бы так поспешно проявлять ко мне доверие большее, чем уже оказано... Зачем тебе я под боком, если ты знаешь, что очень скоро он заменит мною тебя...

-Кишка тонка!- брякнул Виктор Петрович.

-У нее или у меня?

-А причем тут она, я все не пойму...

-Так я тебе сказал, а не она тебя спросила, станешь ли ты мероприятие проводить; я уже однажды сказал тебе, что нужно купить машину и беречь место на парковке...

-Ну и что?! Я что-то на ум не возьму, что ты в этом видишь... опасного для меня?

-В принципе – ничего... - смирился я с его тупостью. – Ничего особенного. Ты лучше скажи, мне удастся сегодня уехать на уикенд?

-Вряд ли... - выпалил он, больше озадаченный моими "домыслами".

-Жаль... - признался я.

-И все же, почему ты не веришь в его стабильность? – вспомнил он причину "нестабильности" своей...

-Просто не верю и все. Отвык зависеть от кого-либо, вот и придумываю себе отговорку, мол, отец слишком ведется на поводу у прихотей дочери и когда-нибудь может узнать, что выросла; что когда-нибудь у нее может появиться такой, как я, который подчинится инстинкту доминирующего самца и получив самку, выкинет из семьи слабого и старого... Бред, конечно, сам понимаешь...

-Не ты один такой умный... - сказал Виктор Петрович. – Но к тому времени мне будет уже 70, не меньше...

И улыбнулся лукаво, вдруг резко состарившись, будто забыв про каждодневную роль... Потом схватил меня за правую руку, чуть выше запястья и пристально глядя в глаза, спросил:

-Верно говорят, что ты был человеком... - он назвал фамилию того, чьим "человеком" меня делал.

Я выдержал незначительную паузу и усмехнулся:

-Кто меня спрашивает? Тот, кто хорошо знает, что после его гибели всех людей его "подчистили"?

-Всех да не всех, похоже... А времена поменялись...

-Я изменился. Куражу больше нет...

-Поэтому ты выбрал такую работу?

-А она ничем не хуже возни в политике... В "бабках" только разница. Ну так кому что нужно... Выбор делается однажды...

Он отпустил мою руку, сказал еле слышно:

-Пойдем, мне пора ехать...

Когда сел в машину, приспустил стекло:

-Тебя эта малолетка на дачу сегодня повезет. Папаша хочет тебя пощупать...

-Не грузись, Петрович. Ему не понять, что кто-то может от его стабильности отказаться...

-Чхать я хотел на его стабильность! Все мы под Богом ходим...

И кто это в тереме живет?..

Жалеть Виктора Петровича я не имел ни права, ни оснований, несмотря на странное чувство тоски, которое оставалось еще долго, пока я ехал домой – с полчаса. Потом я думал, как придется снова встречаться с Юлией и, более того, говорить с ее отцом – улыбаться, подстраиваться под его состояние духа, думать, соображать, чтобы не дать себя втянуть действующим лицом какого-нибудь замысла. Впрочем, хотелось больше верить, что тревожусь понапрасну и что напряжение, которое постепенно начало спадать, чем ближе я подъезжал к дому, – всего лишь последствие встречи с Петровичем, а не признак чего-то еще – очень неприятного, очень знакомого из прошлого. Я научился напрочь забывать не только людей, но и переживания – все то суетное, чем наполнена бывает жизнь нормального человека, однако же у каждого есть такие места в прошлом и такие люди, которых он будет помнить всю жизнь, больше всего переживая, что нет возможности поблагодарить человека за мудрость его и за обыкновенную порядочность, проявление чего не только прекрасно само по себе, но и каким-то чудесным или естественным образом помогло когда-то остаться за пределами поля брани – места, где сходились зависть с подлостью, гнев с алчностью, гордыня с прихотью... Светлая память тем, кто смог уйти достойно и тихо, отвечая за свои ошибки, а не погоняя вперед к пропасти стадо баранов, или оголтелых свиней...

-...Андрюша, это я! Привет! Ты же сам не позвонишь, конечно же... - это был голос Юлии – колокольчиком звенел ее голос в трубке. (Я невольно взглянул на экран телефона, не веря ушам своим, что слышу такой радостный голос *этого* человека).

-Кто ж в медовый месяц беспокоит молодых? – отшутился, продолжая управлять автомобилем.

-А медовый месяц кончился...

-То есть...

-Ну, наступили будни и нам надо встречаться снова... С тобой вообще хочет папа поговорить?

-Бить будет? – это тоже я так шутил.

-Да нет – ты очень его заинтересовал... Особенно когда я ему про тебя рассказала.

-Интересно было бы услышать, что обо мне именно ты можешь рассказать...

-Хм. Звучит многозначительно. А мы так и будет по телефону говорить?..

Я спохватился вдруг – ведь подъезжал к дому и вполне вероятно, что она могла стоять на магистральной улице, приблизительно рассчитав мой маршрут. Просто она знала о встрече с Виктором Петровичем...

В зеркале заднего вида, позади нескольких машин маячила "морда" ее джипа. Я свернул в первую же пересекающую улицу и встал. Она объехала мою машину и остановилась впереди, припарковавшись небрежно. Распахнулась дверь и на асфальт ступила ножка весьма эффектной девушки, так что я даже удивился снова тому, как лихо женщины умеют менять свой имидж... вместе с амплуа.

Навстречу мне шла самая счастливая девушка на свете, хотя при более внимательном рассмотрении, когда она оказалась близко ко мне, когда я мог

всмотреться в ее глаза получше, эта девушка скорее была готова за что-то отыграться, чем быть счастливой просто так...

-Очень рада тебя видеть!.. Даже соскучилась уже! Приветик! - и она поцеловала меня коротко в губы...

Я легко обнял ее за талию, впрочем, сделал это автоматически, по привычке, имея некоторый опыт общения с девушками в подобных ситуациях...

-У меня есть предложение! Поехали прямо сейчас на дачу. Папа перестроил там все, и теперь там все лучше – уютнее стало. Или хочешь, поедem в коттедж – это недалеко отсюда...

-А дача?

-Дача в другом направлении... - она назвала место, которое оказалось очень близко от моей дачи...

Я прикинул, что после этой компании я смогу уехать на свою дачу и там провести остаток уикенда.

-На дачу хочу...

-Ставь машину и поехали. Папа подъедет чуть позже.

-Я ж не заночую у вас. Поэтому предлагаю на обеих машинах...

-Так я потом тебя довезу куда надо.

Я снова прикинул, что можно будет на электричке потом добраться до своей дачи. Ох уж эта матушка-лень – с годами чаще проявляет свою волю там, где нужно терять время или напрягаться телом...

-Юлия, я потом поеду по своим делам, а тебе лучше будет оставаться с отцом.

-Да, но как мы будем общаться по дороге, сейчас?

-Телепатически. Я поеду за тобой и буду думать о тебе...

-Ну поехали...

Я не стал просить ее соблюдать дистанцию, надеясь, что она сама сообразит, что местоположения конечного пункта нашего путешествия я не знаю. Как и ожидалось, поначалу она погнала свою машину, часто нарушая не только правила движения, а сам здравый смысл. Никогда раньше не управляя отечественным автомобилем, а не истребителем производства нашего военно-промышленного комплекса, разве она могла знать, что вопреки всем правилам физики только такая иномарка, что бежала под ней по хорошему асфальту, может не улетать с дороги на крутых поворотах, когда водитель до упора жмет на тормоза, не зная страха зацепить иномарку; разве она догадывалась об истинной "мотивации" хозяев *жигулей* и иного хлама, которые отскакивали от нее, когда она протискивалась между рядами; и потом на трассе, топя ножкой попеременно то на одну педаль, то на другую; разве могла она слышать, как форсированно работает мой двигатель в те минуты, когда надо проскочить по витиеватой дороге в образовавшийся просвет, чтобы обогнать очередную машину. Имея опыт движения по осевой, впритирку, я всю дорогу поспеивал за ней, отрываясь только на прямых участках, где спорить с дурью пятилитрового двигателя было абсолютно бессмысленным занятием. Кульминацией этого путешествия стал очень щекотливый момент, когда даже несмотря на хороший двигатель и прекрасные тормоза, она не рассчитала обгон и протаранила другого гордеца – владельца *Лексуса*. Похоже было, что за рулем дорогого, престижного и новенького авто был мужчина опытный, который хоть и демонстрировал до некоторого сближения свою "непоколебимость", даже более приближаясь к центру дороги, однако же вовремя прыгнул на обочину, избегая лобового удара на встречной ему скорости в 160 км. в час. Он сам шел, может быть, только чуть медленнее. В зеркале заднего вида я понаблюдал за ним, ожидая скорого разворота и погони, но, вероятнее всего, он разглядел водителя джипа или был еще под впечатлением от вида наглой хищной морды "БМВ". А Юлия как шла, так и продолжала топить педаль в пол, разгоняясь еще больше. Я не стал брать грех на душу и просто сбросил газ. Машино стала сбавлять скорость, и я

мысленно поблагодарил ее, что она все-таки выдержала запредельный режим форсажа...

А Юлия вовсе пропала из вида. В принципе ничего бы не изменилось, если бы она потерялась – я бы просто доехал до своей дачи. Но на развилке ее автомобиль я не мог не заметить. Ждала она меня терпеливо... минуты две – три, не более...

Я подъехал к ней. Ее машина тотчас же сорвалась с места и в ней, в машине этой, мне привиделся забавный образ униженного хозяином хищника, которому то ли не дали возможности разнести в клочья интеллигентного *Лексуса*, то ли заставили ждать куцега рысака...

Ворота дачи она открыла проворно, и мы въехали на территорию, которая за высоким забором оказалась неожиданно больше – раза в четыре больше тех стандартных шести соток, которыми раньше государство одаривало своих граждан...

Припарковав машину рядом с мускулистой глыбой серебристого цвета, я подмигнул своей, дескать, не отстали-таки... А ко мне приближалась Юлия и было заметно, как блестят у нее глаза и что больше всего она не хочет, чтобы я трогал недавний инцидент. В конце концов кому на роду написано утонуть, может быть, тот не попадет в дорожное происшествие на тех трассах, где нет озера или лужи рядом...

-Этот дом как будто отреставрирован, – я указал в сторону двухэтажного, с мансардой, типичного для времен "развитого социализма" сооружения, которое теперь выглядело несколько иначе из-за аккуратной отделки фасада – кирпич придавал дому стать прочного жилища, а тщательная отделка ребер и каждого шва, стеклопакеты на окнах и светоотражающие стекла напоминали об обилии нынешних материалов, что позволило стандартной "архитектуре" былых времен придать некий шарм...

-Дед всю жизнь строил дачу и умер, когда оставалось только просто привести все в порядок и немного по мелочи доделать. Папа решил в память о нем, о его мечте, наверное, не менять ничего. Ну только подновил маленько фасад – этот кирпич благороднее смотрится... А стеклопакеты удобнее. Там даже печка осталась, как была, хотя мы пользуемся камином... Папа говорит, что пока сам жив, ничего менять не будет внутри дома – как дед задумал, так все и останется. А мне он сделал вот такой подарок. Вон там, посмотри, за елями прячется теремок...

На этом участке росла только трава, которую, похоже, часто подстригали и левее, ближе к тому углу, где забор не мог скрыть вида из окна, поскольку участок в это месте резко уходил под гору, и стоял этот, как она его назвала, *теремок*.

Когда я подошел ближе, у меня аж улыбка образовалась на лице. Я знал, что она наблюдает за мной со стороны – просто смотрит, чтобы видеть желаемую реакцию и мне не надо было искусственно ее изображать. Потому что домик был необычен; и построен был с такой любовью, да таким умельцем, каких, вероятно, сейчас сыскать будет сложно. Это был бревенчатый сруб, но не из толстенных и положенных по обычаю, по-деревенски "грубо", а как будто подлаженных бревнышко к бревнышку; как будто стесанных лаской и покрытых лаком, как делают макеты величиной со спичечный коробок, позволяя затем смотреть на свой труд – на свой мир через увеличительное стекло; помещая свою мечту на стол с таким же искусственным ландшафтом, с такими же искусственными голубыми елями, которые здесь росли естественно, выше...

-Ты зайди внутрь. Там вообще, как в сказке... - читала она мои мысли.

Внутреннее пространство этой сказки создавалось пропорциями, которые, вероятно, были выдержаны во всех предметах интерьера: здесь не было ничего лишнего, хотя с первого взгляда могло показаться, что скученно обустроено все. Просто надо было постоять минуту, другую, чтобы свыкнуться именно с этой

обстановкой, так сильно разнящейся с тем, что могло быть в коммуналках, в современных жилищах богатых людей, в квартирах героев американских фильмов, где хлам от обитателей не отличить...

Я обратил внимание на лестницу, которая вела вверх. Не говоря ни слова, мы поднялись по ней и оказались в единственной комнате со столом, кроватью и резным шкафом. Это была ее спальня. А с окна открывался вид на лес вдали, листву которого местами уже коснулась осень... На какое-то время я будто выпал из реальности, потому что шорох, движение позади заставили вздрогнуть... Я обернулся и вдруг она прижалась ко мне... Потом отстала и молча ушла вниз. Я только услышал ее слова:

-Прости за вольность. Ты единственный, кто так все принял...

Я последовал за ней и мне пришло на ум, что совершенно недавно эта девочка могла уйти, и я бы не узнал о ее мире, который по всей вероятности, она тщательно скрывала, чаще бравируя...

-Этот дом строили три бригады. Следил за всем и управлял дядя Паша. Я его так называла, потому что мне было пятнадцать. Он в прошлом работал архитектором, а потом бедствовал. Когда появился заказ отца, мог выйти из бедности – папа хорошо ему заплатил за такой домик. Но он под конец строительства напился и умер. Мы его нашли внизу. Думали, что рабочие убили. А экспертиза (папа потребовал) показала, что от перепоя. Сердечная недостаточность.

Она как раз бросила взгляд на то место, где лежал труп дяди Паши.

-Ты тоже видела его?

-Ну да. Мы с папой вместе приехали, я побежала в мой домик и наткнулась на него... Еще, помню, удивилась, почему дверь открыта...

Мы вышли на свежий воздух – будто мир поменялся, будто действительно из другого мира вернулись...

Дедовский дом удивить не мог, а только подтолкнул к заключению, которое я решил высказать:

-Если бы ты из этого дома повела меня в теремок, я бы там и остался, как дядя Паша...

Следуем к горизонту, погоняя впереди ослика...

Мы разожгли камин, болтая о всякой ерунде и мне самому показалось, будто знакомы с ней издавна, будто как муж и жена суетимся, обмениваясь фразами, что-то несущественное рассказывая на ходу, пока дрова, подымив вначале, поддаются огню; пока она разливает по бокалам какое-то хорошее французское вино, дважды предложив мне что-то покрепче... Вероятно это сближение произошло после теремка – изменилась она толи больше доверившись мне, то ли сама еще не понимая, какие струнки ее души затронуты оказались там, наверху, в ее спальне. Я же только наблюдал за собой, зная о своей привычке подстраиваться под настроение человека и отвечать взаимностью на доброе отношение. Наконец мы уселись углом друг к другу в широкие кресла и, как в кино, изредка поглядывая друг на друга, а так все больше на пламя в зеве камина, переменили контекст, еще более сблизившись в теме, о самых сокровенных деталях которой знать могли только мы оба...

-...Тебе ведь интересно узнать, что там было между нами? – спросила она хоть и с ноткой сарказма, но все-таки больше с какой-то еле уловимой тоской во всем своем облике: глаза ее смотрели как-то печально; блестя, будто слезились... Впрочем, вполне вероятно, что от взгляда на огонь а камине...

-Расскажи, если тебе хочется поделиться со мной впечатлениями...

Она отвернулась от меня, помолчала минуту и начала говорить, казалось бы рассказывая самой себе, а не кому-то там еще в этой просторной комнате.

-Я вела себя так, как обычно и очень хотела надеяться, что получу большее удовольствие, что будет что-то совсем из ряда вон – ведь я владела тем мужчиной, который пренебрег мною. Идиотская мысль, но как я потом поняла, именно она помогала мне тогда найти хоть какой-то интерес в том, что уже после первого общения с ним мне показалось банальностью, пошлостью какой-то... Наверное, помпезно получается и даже лицемерно?.. Но ведь я научилась быстро анализировать себя, стараясь хотя бы с собой быть откровенной. Ты знаешь, после общения с тобой будто плотину прорвало, как будто не стало перегородки толстенной между сознанием и подсознанием...

-Ну, это ты брось, Юлия! – не без откровенной улыбки заметил я. – Перегородку не двигай – она должна быть, чтобы ты не сошла с ума. Шастать – шастай по ту сторону, но перегородку оставь в покое...

Она продолжала, будто не обратив внимание на мои слова:

-В общем, все было как обычно и мне не надо было строить загадочность или быть загадочной... Как говорила твоя клиентка: "Я всегда очень хочу кончить с тобой, но не знаю, когда это получится и отчего это зависит?.." Одним словом, не надо было играть это – я действительно старалась очень и сделала, может быть, больше, чем когда-либо... Смешно, ей-богу! Он "тащился", как подросток...

-У тебя и этот опыт есть? – не смог я сдержаться.

Вот тут она посмотрела на меня и смело поставила меня на место:

-А ты что, святой?

-Нет, скорее извращен очень в другую сторону – моя сексуальность не покрывает подростковый возраст. Я бы не смог себя убедить переспать с девочкой-подростком...

-Я где-то читала, что это следствие давления на нас морального кодекса общества...

-Ну, ты мне еще про Фрейда расскажи, про вытесненное... У меня есть знакомый, который никак не удосужится дойти до *психлечебницы*, который считает, что каждый мужчина должен дать свободу гомосексуальному началу в себе... Он ратует за эту идею, наставляет на путь молодых парней... Его побили однажды, впрочем, не раз... Теперь он прячется за границей. По мнению двух специалистов, это ущербная личность, которая никак не может избавиться от страха перед наказанием за... неисполненную страсть к собственной матери. Ненавидя ее, он так и не увидел слона перед собой – Эдипа. А не повторив судьбу героя, заместил другой еще более разнузданной идеей, сделав ее навязчивой – страстью к мальчикам... Впрочем, сейчас можно и выгодно проповедовать свободу желаний... Такое всегда случалось в смутные времена и всегда проповедниками неестественного для человека были кто?

-Кто?

-Изгои... общества. Эти вечные изгои общества, которые как дорвутся до трибуны, так непременно стремятся замазать всех своим собственным дерьмом... Прости, пожалуйста... Их не так уж много, просто они воняют очень... Еще раз прости. Больше не буду...

Она улыбнулась...

-А ты, оказывается пуританин.

-До некоторой степени да – особенно когда речь идет о тех, у кого и психика по возрасту их неустойчива, и ценности приобретены по больше части...

-Ты и меня считаешь такой? – она не дала мне договорить.

-Какой? Юной или "гойкой"?

-И той и другой...

Нет, конечно. Иначе не стал бы с трепетом ожидать завершения рассказа о твоих *экспериментах с мечтой*...

-Экспериментах? – переспросила она, снова возвращаясь в свои воспоминания. – Пожалуй, ты прав. Наверное я экспериментировала с собой, да?

-Тебе лучше знать...

-Наверное... Ну что, я не кончила, естественно. А для него это и не играло никакой роли. Он сказал только, что я классная в сексе и что он надеется, что мы снова с ним встретимся... Вот и все. Причем когда он говорил это, у него даже мысли не было вообще поинтересоваться, а я-то захочу в другой раз в постель с ним лечь? То есть я так полагаю, что он настолько эгоистичен, что даже не способен... был подумать об этом...

-И все?! Ты хочешь сказать, что ты смирилась с этим и отпустила его... восвоеси?!

Вот теперь она заулыбалась – эдак заговорщически, не без затаенной злобы...

-*Щас!* Хотя, в какой-то момент вспомнила тебя и даже хотела согласиться с ним, чтобы потом послать далеко, когда он снова пристанет, или сделать так, чтобы не приставал больше. Но меня злоба обуяла, что ли. Я вспомнила, что играю и сказала ему:

"А ты меня спросил, захочу ли я с тобой еще раз?"

"А что, я тебе не понравился?! От меня все бабы *тащатся*..."

Тут я хотела ну как бы в противовес всем его бабам заявить, что меня он как раз-то не удовлетворил. Но смекнула быстро, что попаду в разряд... как ты сейчас сказал – "гоек", то есть изгоев, да? Вот тогда вспомнила про твою клиентку, про то, что сама хотела бы кончить, но никогда не знаю, когда это получится и отчего зависит. Ему сказала что-то типа... понравился мол, конечно понравился, но... А

дальше сама себе удивилась, что могу быть такой актрисой... Наверное, в каждой женщине сидит героиня из фильма "Основной инстинкт". Изображая из себя Шерон Стоун, я сказала ему, что боюсь себя, когда кончаю... А он спрашивает: "А что может быть с тобой?"

-Стоп! – останавливаю я ее рассказ. – Хочешь выскажу принцип, по которому можно выстроить высказанную тобой идею?

-Ну давай...

-Я уступаю ему, потому что он знает, что в гневе я безудержна, а в проявлениях гнева – безгранична!

-Ого! Подожди, соображу...

-Да нет, ты вспомни, что сказала и наложи это принцип... Что ты сказала?

-Я сказала, что боюсь себя, потому что со мной происходит нечто невообразимое, отчего потом мужчины бывают в крайнем восторге и хотят жениться, чтобы навсегда.

-Вот так и сказала – "хотят жениться"...

-Ага! Я, наверное, это так искреннее сказала, что он даже не усомнился. Зато глаза загорелись, пристал ко мне снова и хотел все повторить. Я стала отбиваться как бы в шутку, но конкретно... Он отстал, и я сказала ему, будто признаюсь в самом сокровенном: "Понимаешь, говорю, мой организм начинает вытворять такое, особенно, говорю, внутренние мышцы, что мужики просто кончают сразу... В этот момент и я могу кончить. И конец получается самый невообразимый..." Ну а он опять допытывается, мол, а отчего это зависит? Я ему – сама не знаю. Так получается... И между прочим вставляю – естественно, все от мужика зависит... Некоторые находили какой-то подход... Ну а он спрашивает: "Почему же я за них замуж не вышла?" Вот тут я его и припечатываю – говорю про гармонию души и тела, про любовь, дескать, если полюблю, то постараюсь всяко помочь мужику понять себя... Андрей, я сейчас как-то не так рассказываю. Там все естественно получалось – я шла от его реакции...

-Я тебя прошу, Юлия, мне про это не надо говорить. Кому, как не мне знать, что самое невероятное можно рассказать человеку, и он поверит, если сделать это правильно, как самое очевидное вызовет в нем массу сомнений, если не создан правильный контекст, а еще раньше – не установлен хороший раппорт...

Мы некоторое время оба молчали, глядя на огонь; сделали по глотку вина и она с розовыми щеками, с блеском в глазах, посмотрела на меня – да так, что аж глаз один слегка скопился:

-Блин! А может я действительно такая? Я тогда говорила так, что аж сама верила. А сейчас такое ощущение у меня, что я именно такая... Хотя я отлично знаю, что могу иначе – могу управлять собой и кончить даже вместе со "скорострелом"... Или кончать столько, сколько захочу, пока не дойду до истерики от пресыщения...

Я не стал скрывать своей реакции – улыбнулся. Она же рассмеялась и продолжила свои воспоминания:

-Ну он конкретно запал. Как ошалелый стал договариваться о следующей встрече... сегодня получается. Я ему сказала, чтобы он позвонил мне, потому что еще не знаю, как сложится день. Ну а он, представляешь, даже как-то приревновал... Помрачнел вдруг и стал допытываться, есть ли у меня еще кто? Тут я вспомнила принцип – я делала все для него, кроме того, что он должен делать для меня... И по-новому использовала: сказала, что позвоню ему обязательно завтра, то есть сегодня... В результате уже с полудня он стал мне звонить... Здорово работает. Обещаю я, а он делает. Все-таки, по-моему, жестоко это, да?

-Ты спрашиваешь, или утверждаешь?

-Хочу, чтобы ты меня успокоил...

-Не смогу успокоить до тех пор, пока ты не пройдешь однажды черту, за которую потом никогда переходить не будешь, чтобы не приручать людей ради прихоти своей или ради забавы...

-Ого! Получается, что может быть так, что он вообще на меня западет?

-Если применить остальные принципы, о которых я тебе не говорил, то человек западает намертво. Человек среднестатистического склада ума, с серым цветом души...

-"Серым цветом души"? А как это?

-Не отвлекайся. Чем все закончилось?

-Ну договорились, что созвонимся и все тут... Он еще меня в подъезде тискал, пялился как ошалелый... Сказал, что я единственная, кто так конкретно "зацепила" его. Даже сказал, что чувствовал во мне этот огонь, который я сама загасила... Но подумал, что сам придумывает... Слушай, а скажи мне еще раз этот принцип...

-Я уступаю ему, потому что он знает, что в гневе я безудержна, а в проявлениях – безгранична!

-Так это же про гнев...

-А ты сама подумай, чем отличается гнев от оргазма? Разве только содержанием, тогда как в концепции своей, в своей процессуальной стороне эти два проявления человека схожи... Я знал не одну женщину, которые удерживали рядом с собой мужей только лишь этим принципом, иной раз применяя почем зря. Обычно мужики такие исподтишка пили, но не спивались и готовы были подчиняться, как только жена начинала расходиться... По всякому применяется этот принцип – одна говорит, что разойдется, зная, что муж этого очень не хочет, другая мужа лупит, тогда как он начальник – при этом реализовывая его скрытую сексуальность, третья лупит, ничего скрытого не реализовывая, а только продолжая политику матери (в России женщины воспитывают пацанов), четвертая лупит любовницу до реанимации, зная что муж впервые полюбил человека. Но все это – грубое, примитивное проявление этого ужасного принципа. В твоём случае, не зная его, ты проявила это принцип в сексуальной области и вложила в молодого человека идею "фикс" – учитывая его слабости, ты подчинила его неосознанные мотивации своей воле, манипулируя всего лишь похотью его, а раньше – взяв под уздцы собственную гордыню, отделяя себя от него принципом – кто кому что должен делать. Впрочем, трактовать что-либо – удел критиков и теоретиков. Наше дело – использовать основные человеческие слабости. Пока задействованы гордыня, похоть и гнев... *Гордыня в образе монеты о двух сторонах; похоть в виде горизонта, за которым прячется чудо; гнев как палка, которой можно пугать, бить или использовать в качестве стимула, как когда-то и где-то ослов заставляли двигаться... Имея монету в кармане, с палкой в руке, мы следуем к горизонту, погоняя впереди ослика...* Просто запомни эту картинку.

Возвышаясь над собой, не думай о каблуках

Хоть и прошли белые ночи, сумерки наступали в конце августа часам к девяти, если небо не было пасмурным, особенно если не шел дождь.

...Шум капель, бьющихся о стекло, о траву; шум от струи, стекающей с крыши по желобку и в некоторых местах просто спадающих на плиты дорожек, устланных в разных направлениях от крыльца, сейчас отвлекали внимание от вида за окном, как если бы можно было опасаться за одежду, за себя, чтобы не намочить, даже если только мысленно пребывать там, за крыльцом. От того и не хотелось смотреть в окно, как фон воспринимая внешнее, где мокро и тоскливо, особенно если смотреть на огонь в камине и слушать ее голос, тихий, почти что шепотом...

Юлия рассказывала мне истории и более того – свои переживания из детства. Я полагал, что на нее подействовало вино, а в себе с удивлением обнаружил интерес к тому, что мне рассказывал человек, несмотря на то, что ее история не могла претендовать на оригинальность – много раз, а может и слишком часто мне приходилось выслушивать исповеди женщин, которые вспоминали свое детство, думая, что именно тогда сформировался их характер таким, отчего судьба сложилась неудачно и страданиями переполнены нынешние дни. Рассматривая картинки памяти, бывшее она снова переживала остро, только по новому разъясняя себе самой свои поступки. Ей было еще мало лет, чтобы отчаиваться, но надо же было дать возможность человеку почувствовать себя перед неизбежным концом, "откуда ни один не возвращался"; надо же было дать право вызвать у слушателя сочувствие и сострадание, чтобы получить заветное утешение и услышать слова надежды... Я готов был пойти у нее на поводу, когда она резко прервала себя, приподнялась в кресле и заглядывая в окно за моей спиной, сказала:

-Папа приехал...

Я встал за ней и мы направились к двери.

Из за дождя мы остались стоять под козырьком – на крыльце, наблюдая, как пристраивается машина в ряд с нашими; углядывая в силуэтах внутри престижного авто пассажира справа – судя по прическе – женщину.

-И она приехала? Странно, зачем он ее взял? Разговора не получится... услышал я ее приговор.

-Это ты рассчитывала на какой-то разговор?

-Мне тоже было бы интересно послушать его мнение...

-Боже мой, о чем?

-Обо всем... Я тебе заплачу сама, если ты поможешь мне... понять, кто из них виноват, что они разошлись?.. С мамой, я имею ввиду, а не с этой же метелкой... Я хотела тебе сказать, но думала сделать это внезапно... А тут она... Нет-нет, конечно же я бы тебе заплатила...

-Не о том ты, Юлия. – поправлял я ее, ожидая ответа на самый главный для меня вопрос. – Ты хочешь понять, как это произошло и кто виноват или тебя больше волнует, почему мать оставила тебя отцу? Тебе было тогда десять?

-Девять лет. Я хочу по-новому услышать его версию, чтобы ты его раскрутил, а не я задавала вопросы, которые он знает и на которые имеет ответы...

И я почувствовал, как ее горячая рука коснулась моей – она дернула меня за пальцы и когда наши глаза встретились, когда мы повернулись лицом друг к другу, она постаралась выглядеть искренней, дескать, я не мщу никому, просто хочу знать правду...

-Правды в таких историях не бывает... - сказал я, думая что читаю ее мысли.

-А мне правда не нужна. Я знаю, что у каждого своя правда. Мне просто хочется, чтобы ты его раскрутил...

Отец Дочери вышел из машины и открыл зонтик - справа от корпуса автомобиля, когда распахнулась дверь и появились оголенные женские ноги, а затем и весь человек во всем своем облики – с высоким ростом и в летнем платье, в котором преобладал розовый цвет – под стать загорелой коже...

-Ну, ты прямо как на тотализаторе – стравливаешь двух самцов...

-Фу, как пошло! Не хочешь, не надо. Он тоже хотел с тобой поговорить о своем, о работе. Наверное предложит тебе в фирму перейти... Вместо Виктора Петровича...

-А ты бы хотела?

-А зачем ты спрашиваешь? – тут мы снова посмотрели друг на друга. – Ты хочешь услышать ответ... как признание в любви...

-Ого! Лихо! Ощутимый "крюк"...

-Какой "крюк"?

-Да это я так – самому себе комментарий... "отвесил"...

Мы пропустили вначале даму, к щеке которой Юлия по-светски прижалась щекой, чмокая губами воздух; с мужчиной я обменялся рукопожатием, на мгновение пересекшись с его взглядом – мне показалось, что он был оживлен встречей (я не делал снисхождения, согласившись быть гостем и он лично не приглашал меня на дачу – мы оба имели ввиду, что идем на поводу у молодой девушки, имея возможность всегда сказать, что встретились на короткое время.., если вдруг ситуация сложится не выгодно для одного из нас... Вот только я другой выгоды кроме финансовой не находил пока... Или я лукавил перед собой?).

С дамой меня познакомили, когда я вслед вошел в комнату. Ее имя оказалось простым и знакомым, хотя я почему-то ожидал, что она назовется Джейн вместо Жени. Лоск, приданный ей визажистами и, вероятно, общением с людьми западного склада, передавался еще и таким выражением лица, которое часто случается наблюдать у туристов, когда они слоняются по отелю не то чтобы в подпитии легком, но в состоянии эйфории от чувства любви к людям и может быть и от того, что все еще остаются в живых в этой варварской стране, где, оказывается, нет медведей на улицах и не носят шапки-ушанки летом. Улыбнулась она "во все зубы" – настолько белоснежные, что аж с голубым оттенком; протянула мне руку, которую я мог поцеловать или пожать легко, так ловко и на такой "оптимальной" высоте вдруг оказалась подвешена эта конечность... Я принял ее предложение собственной рукой, правда чуть отступив; улыбнулся меньше; смотрел в глаза дольше, пытаясь прочувствовать человека. И мне ничего не удалось... "прочувствовать" – только ощущение "под ложечкой" возникло, будто встал на краю обрыва, балансируя между "здесь и сейчас" и бездной. В очередной раз был вынужден признать, что такая женщина может быть гораздо более сложной загадкой, чем неопознанные нелетающий объект... Врожденной ли у нее была привычка смотреть глазами слепого на человека ничего не значащего для нее или этому ее обучили на корпоративном тренинге? Думал ли я в поиске нужного "хода" или опыт да интуиция подсказали бросить быстрый взгляд на ее... обувь, чтобы через одну рокировку с перемещением нас в пространстве комнаты, с пустыми словами, замечаниями и улыбками я уже мог обнаружить быстрые и тайные взгляды в спину, будто она спохватилась, не приметив поначалу стороны, откуда ее имиджу может угрожать опасность?.. Теперь она будет смотреть в глаза и пребывать... наравне.

Она была на полторы, а может на две головы... ниже своего спутника. Есть же такие мужчины, которые любят маленьких женщин, при этом только по статусу своему возвышаясь над другими мужчинами на целую голову... *Отец Дочери* не был высоким и я, возможно, услышал от Юлии созвучную мысль, когда она сказала отцу, что мы с ним можем пообщаться *наверху*, пока они накроют на стол – приготовят ужин из того, что оставалось пока в багажнике машины...

-Вы не против? – спросил он меня.

-Нет, – отвечал я, будто мог высказать желание оставаться дольше в компании Юлии или Жени...

Наверху оказалось аж три двери, каждая из которых должна же была вести в какое-то помещение.

Я спросил, за каждой ли дверью комната или одна дверь – та, что поменьше кажется, попроще, ведет в кладовую...

-Отец специально сделал эту дверь поменьше... Это была моя комната. Теперь там мой кабинет. Я иногда приезжаю сюда поработать... Там атмосфера необычная... Могу показать.

Он открыл дверь и я смог убедиться, что он говорил правду.

Говорить мы пошли в другую комнату, где проходила труба от камина, выложенная аккуратно кирпичной кладкой: там стояли диван с креслами, стол низкий, похоже самодельный, а у окна другой стол – письменный... Расположились мы напротив друг друга... Вслед за нами поднялась Юлия с аперитивом на подносе...

-На долгую беседу не рассчитывайте... - сказала она и слишком уж откровенным видом заговорщика обратилась именно ко мне – Мы ведь с тобой договорились...

-Хм, о чем это вы договорились? – моментально отреагировал отец девочки.

Я пожал плечами, дождавшись, когда выйдет из комнаты Юлия и... прижмется ухом к двери и сказал так, что б ей было хорошо слышно:

-Это затравка. В этом возрасте они любят розыгрыши.

-Ндааа, она с детства любила стравливать людей...

Камни за пазухой

Некоторое время мы молчали и я подумал, что он собирается с мыслями или в последний раз задается вопросом, а стоит ли вообще затевать этот разговор. Что возобладало в нем, я не мог судить, но начал он исподволь:

-Признаюсь честно, я был удивлен, что таким простым способом удалось решить задачу. Я имею ввиду историю с этим молодым человеком, который понравился Юлии...

-Не скажешь, что все гениальное – просто. – отшучивался я – Глупость тоже может выглядеть простой.

Он присмотрелся ко мне повнимательней, ухмыльнулся:

-Чья глупость-то?

-Глупость молодого пижона, который смог заметить девушку только в автомобиле равного класса.

Мужчина улыбнулся, даже как-то радостно расставшись с подозрением, что высказывание мое имеет двойной смысл, возможно как-то в уничижительной форме трактующий его собственный образ.

-У нас был тренинг один, где ведущий рассказывал, что прежде всего люди воспринимают друг друга по подобию – как это в животном мире происходит. Верно получается, что вначале мужчина смотрит на ноги девушки, а потом уже на ее лицо.

-Это если сама девушка не оголила единственную пригожую часть своего тела... В вашем случае, мужчина – молодой человек – поднялся выше или отошел в сторону, возможно составляя исключение, которое вскоре станет правилом, когда по аналогии с дружественной и братской нам Америкой, мы станем судить друг о друге по имиджу, а не по содержанию. Хотя о каком содержании может идти речь, если мир стал проще и заслуги свои можно показать сразу – стоимостью часов, одежды, машины, наконец... Недаром дают медали...

-Ну вы прямо скептик... Неужели себя обиженным чувствуете?

-На кого?

-Ну на время, на то, что сами не стали состоятельным...

-Вряд ли. Если капнуть меня поглубже, особенно мое прошлое, о чем уже позаботился Виктор Петрович, то можно найти достаточно случаев, когда само провидение давало мне в руки возможность начать славное восхождение.

-И почему вы отказались?

-Потому, почему вы, к примеру, не стали композитором..

Он мотнул головой – еле заметно, но похожее в движении на то, которое совершает лошадь, только очень откровенно, если ей что-то не нравится...

-Композитором. Да мне медведь на ухо наступил и вообще от музыки сегодняшней попсы меня коробит...

-А меня всегда удивлял повышенный интерес человека к состоянию, когда само состояние воспринимается не применительно к душе, а односложно – в материальной плоскости. Ганечка у Достоевского откровенно говорил князю Мышкину, что не представляет из себя ничего особенного, оттого и стремится

иметь состояние, чтобы возвысится над теми, кого бог не обделил талантами... Но сами понимаете, что не все состоятельные люди – ганечки...

-Мы так к идее о классовом антагонизме придем. Эту "штуку" уже один раз использовали те, кто и Ганечкой стать бы не смог...

-Они проиграли. – согласился я и, кажется, получилось это для него неожиданным "реверансом"; поэтому я добавил – Мы же не будем спорить о том, что в памяти останется только как вкус от жвачки, которую просто не прилично жевать во время разговора...

Он опять еле заметно мотнул головой и улыбнулся; рука его потеряла подбородок. Я пришел на помощь собеседнику:

-Ход был простой с этим Эдуардом, как мне назвала его Юлия, но дорогостоящий...

-Что ж не сделаешь ради любимого и единственного чада...

-Не сделать можно только одно – последний шаг, который однажды меняет все акценты... Однажды у меня на приеме был мужчина, который просто не замечал разницы между женщиной до брака и женой после развода...

-Ну и как, вы ему эту разницу... показали?

-Я бы не смог это сделать без его участия. Он сам обнаружил вдруг... случайно,.. что умудрялся находить не просто алчных женщин, но более того – умудрялся культивировать в них это качество характера до абсолютной величины, *когда женщина не просто позволяла ему иметь все, что он хочет, но еще и более того, пока не достигнута будет та мера, которая бы успокоила ее... Мера эта определялась всякий раз после развода, когда она забирала свое...*

Я не выдержал и рассмеялся – настолько озадаченным он выглядел, будто я рассказывал о нем. Что-то он вспоминал из своей жизни и старался это сделать быстро, чтобы вернуть тему к более важному моменту; чтобы поговорит о более существенном предмете, вернее – о более дорогом сердцу человеку. Поэтому он попросил меня поправиться, задавая последний вопрос, после которого мог бы уйти в прошлое – в свои воспоминания...

-Да, но ведь я про дочь имел в виду...

-Дочь не находят, дочь дарит жена... - отвечал я, – Если Эдуарду наскучило покупать женщин, делая им дорогие подарки, однажды он повелся на ту, которая не нуждалась в них. Но согласна ли будет такая девушка выйти за него замуж? Заметьте, я не спрашиваю, согласен ли он будет жениться на ней. Тот мой клиент всякий раз делал дорогой подарок будущей жене, и она привыкала к этому, далее задевая принцип, который он, клиент, высказал как открытие: *Мужчина может иметь все и должен знать ту меру, которая успокоит женщину...* Так вот, пора поставить самый главный вопрос – когда, если это дочь, наступит тот момент, что она превратится в женщину до брака по типу тех, что находил мой клиент – в человека алчного, который однажды сам решит, что пора задевать принцип, чтобы оторвать себе кусок пожирнее? О доле наследства можно судиться, а можно эту долю получить, согласившись с той мерой, которую кто-то тебе определит? Хотите сегодня услышать от нее признание в собственной алчности? Хотите знать, перейдет ли эстафета от вашей жены к ней? Хотите знать, когда это произойдет? Или хотите сейчас знать, нужно ли вам это вообще?

-Вы легко манипулируете человеческим сознанием и я не могу быть уверенным, что слова, которые скажет человек, будут принадлежать его сознанию, а не будут по ходу разговора внушены ему.

-Ваше право – отслеживать ход мысли.

-А для вас-то в чем выгода?

-Это моя работа... Ничего личного, как принято сейчас говорить...

Он некоторое время смотрел на меня пристально очень, холодно.

-Ведь я могу отказаться, хотя вы заинтриговали... Мы с дочерью доверяем друг другу и я бы не хотел, чтобы она была похожа на свою мать.

-Наверное, она тоже не хотела бы повторить судьбу матери... Но согласитесь, иной раз человек плохо отдает отчет своим намерениям – он следует какой-то своей логике, которую легче назвать привычкой... Результаты можно видеть в жизни, а еще можно смоделировать результат, если быть способным хотя бы на простое обобщение, на элементарный анализ... Ладно, не об этом же мы должны были говорить сейчас. Я вас слушаю...

-Извините, я просто пригласил вас сюда, наверх, чтобы поблагодарить за помощь – за вашу работу. Не более того. По деньгам претензий нет?

-Нет, – я сделал движение, которое могло означать, что через секунду буду готов встать с кресла.

-Андрей, задержимся еще на пару минут. Пожалуйста... - услышал я его голос (похоже, со своим гневом он справился). – Вы намеренно затронули важную для меня тему: вам что-то рассказала Юлия?

-Особенного ничего. Я только услышал однажды одну ее реплику в адрес матери. А по поводу Юлии сейчас прошелся... - вот тут я посмотрел прямо в его глаза и мне показалось, я был очень искренним – так это вольность, которая проявляется, когда привязываешься к человеку. Есть красивые люди, красивые пары и красивые семьи. Когда чаще имеешь дело с патологией, к совершенному и здоровому относишься особенно, я бы даже сказал – трепетно. Поначалу я Юлию нервировал, она вам должна была это сказать. Но потом мы как-то подружились. Я пошел дальше и решил преподнести ей еще несколько уроков, давая возможность проверить каждый новые принцип здесь и сейчас, в прошлом и в будущем. Иной раз это получается спонтанно, как сейчас, будто продолжая диалог с Юлией, я вам высказался по поводу способа манипулирования мужчиной, когда задействована его алчность. Она поняла и приняла все уроки, теперь обратив внимание в вашу сторону – в ваше прошлое. Ей нужно объяснить, что вами двигало в прошлом; ей нужна модель, которая бы ее устраивала; ей нужно быть уверенной, что вы – больше чем отец, что вы тот, кто всегда поймет и примет ее другой. Не капризной и не взбалмошной. Вас удивит, если я скажу, что она такая же рациональная, уравновешенная, как вы, тогда как вы в ней привыкли видеть копию своей жены... Так ведь?! Только потому, что они похожи? Или мы об этом уже говорили сегодня...

Он пребывал в задумчивости, привычно для человека его уровня и его "профессии" не верил ни одному моему слову и так же привычно для человека с гибким умом, готового брать все новое, принимал мою позицию как условие задачи.

-Вы точно с ней сговорились, – превратил он в шутку мой монолог. – Она – мастерица розыгрышей, и вы решили меня разыграть. Она смекнула, что сможет заставить меня рассказать больше о матери, если вы этому поспособствуете, и я не удивлюсь, если в конце окажется, что она обещала вам заплатить за этот розыгрыш. И потом она ревнует меня к Жене и сегодня утроит ей головной уклад... Вот bestia, а! Вся в мать свою!..

-Так значит вы готовы к тому, что однажды она с вами станет делить наследство? Это не мой вопрос... - добавил я, принимая его версию о соучастии с Юлией в ее шалости.

-Я понял. Ну а ребенка своего я не обижу, это естественно. Я не обидел и Люду... Это жену мою так зовут... И потом чего делить-то? Хватит на всех и еще останется...

Этот человек быстро решал задач, освобождая себя от любой навязчивости и от любого страха. Как и его дочь однажды вызвала у меня симпатию, когда "нарисовалась" на "хвосте" моей машины, так и он сейчас импонировал мне, умея легко принимать шалость ребенка, из чего поначалу мостят дети свой путь в будущее, обретая опыт, а не набирая за пазуху камни...

-А если она решила сегодня поразвлечься, так пусть себе балуется... Женюке достанется, как и всем моим подругам всегда доставалось от нее. Она и мать

собственную ревновала ко мне... И я очень сомневаюсь, Андрей, что когда-либо мне придется что-то с ней делить; что вообще она когда-либо будет жить отдельно от меня...

-Поспорить не смогу, – отвечал я. – Во всяком случае теперь я знаю вашу позицию, чтобы ненароком не навредить там, внизу...

Откровения стервы

"Вниз" мы спустились сами, не дождавшись приглашения. Дочь искренне была удивлена, что так скоро мы договорились о чем-то, вернее, вначале она усомнилась, все ли в порядке в наших отношениях, однако, быстро и внимательно посмотрев на наши лица, успокоилась; кокетливо указала на наши места за столом – я оказывался справа от главы через угол стола, Юлия рядом, а Евгения напротив нас.

О чем разговаривали женщины, я знать не мог, но не составило труда догадаться, что мою персону потрепали они изрядно, и если Женя стала коситься на меня чаще, избегая, однако, прямого взгляда, я мог ожидать всякой фантазии, которую Юлия способна была придумать про меня. Это забавляло – здесь, вдали от города, в такой обстановке, где нет соседства других звуков, кроме тех, что может создать твой собственный голос или голоса тех, кто рядом; где воздух чище и пахнет деревом; где за окном дождь льет и кажется, что он навечно отгородил городскую сутолоку от жизни в удовольствие...

Рассеянный разговор о том о сем "пресекла" Юлия. Будто дав всем возможность "заморить червячка", она сказала первую фразу, за которой все и понеслось...

-Пап, а вот скажи мне пожалуйста, почему все время так получается, что когда женщина проявляет интерес к мужчине, он вначале ну как бы отвечает ей взаимностью, а когда они переспят или как-то иначе... ну "устаканятся" их отношения, этот самый мужчина начинает воротить нос, короче, - зазнается? Ну и женщины в свою очередь так же ведут себя... Почему люди так устроены?

-Ты, Юлия, спрашиваешь или уже утверждаешь?

-Наверное, утверждаю. Потому что в себе обнаружила, благодаря Андрею, это странное качество. Мне, действительно, человек перестает быть интересным, когда я уверена, что он... мой. Ну будто прочитанная книга...

-Так ты и ответила на свой вопрос. Ты сказала, что человек становится будто прочитанной книгой...

-Тогда получается, что нет книги, которую можно было бы читать всю жизнь...

-Говорят, что библию можно читать всю жизнь... - вдруг высказалась Женя.

Юлия отреагировала тут же, только короткий взгляд бросив на женщину: создалось впечатление, будто девушка не одобряет вмешательства в семейный разговор.

-Так что, с монахом общаться, чтобы... не быть вынужденной всю жизнь менять мужчин? И разгадывать философские ребусы?

-Юлия, это твое любимое вино... - отвлекал отец внимание дочери от ее затей, впрочем, не упорствуя. – Давай выпьем за твое открытие.

Девушка вспыхнула, зная нрав отца и привычку подтрунивать над малолетней.

-Мне тоже показалась эта истина банальной, пока я не подумала о тебе, папа. За все те годы, что я тебя помню, после того, как ты "прочел" маму, ты продолжаешь с интересом читать новые и новые книги, которые постепенно приобретают формат брошюрки... Так ты скоро до буклетов дойдешь... - она бросила короткий взгляд в сторону Жени - взгляд уничижительный, как смотрят в дорогом магазине на тех, кто бывает шокирован ценами...

Я подумал, что эта девочка умела быть оборотнем в отношении к слабому и заодно прикинул, что она сидит в достаточно отдалении от отца и я успею перехватить его руку, если он вознамерится предпринять какие-либо действия. Потом мне стало смешно от собственных мыслей – просто я с разными людьми общался и реже с такими, каким был этот взрослый человек...

Отец Дочери сотворил на лице, как принято говорить, "хорошую мину при плохой игре". Он, как и все мы, не обратил внимания на изменившуюся в лице Женю, давая ей возможность взять себя в руки "без свидетелей", без сочувствия, всегда так унижающего достоинство любого человека в подобных ситуациях, чаще вызывающего злость и реже – слезы. Он вдруг сделался как-то моложе, задорнее, будто изменил свой статус и вовсе стал подростком – сверстником своей дочери.

-Это единственный вывод, который ты сделала из уроков, которые тебе преподавал Андрей Владимирович?

-Нет, есть продолжение.

-Так продолжай же!

-А ты сердиться не будешь?

-На тебя?! Изволь! Когда я на тебя сердился? Я даже специалиста нанял, чтобы помочь тебе познакомиться с мальчиком, которого ты, вероятно, приняла за библию и, который, как потом оказалось, был всего-то буклетом. Я заканчиваю буклетами, начитавшись классики, а ты буклеты по слогам читаешь...

-Хм, здорово, папа! И все-таки, ты маму бросил, потому что она всегда умела доказать тебе, что ты должен делать ради нее все, что должен как мужчина?

-А поточнее вопрос поставить можно?

-Хорошо, поставлю вопрос поточнее, – девушка сосредоточилась и задала свой вопрос иначе. – В вашем браке каждый из вас занял свое место, или каждый боролся за место другого? В качестве отправной точки прими на веру такой принцип, что женщина может делать для мужчины то, что он хочет, но никогда не должна делать то, что он должен делать ради нее... Ради нее, ради мамы, ты мог быть снисходительным и позволять ей быть капризной?

-Я это делал до поры до времени... Мы наверху говорили с Андреем Владимировичем по поводу того, что мужчина должен иметь все и должен знать ту меру, которая успокоит женщину. Твоя мама успокоилась, когда при разводе забрала все то, что захотела. Получается, я выполнил условия, о которых ты мне сейчас сказала: я сделал то, что она бы не сделала никогда; сделал это ради нее и при этом делал это по своему желанию... Девочка моя, я ответил на твой вопрос?

-Ну ты молоток! – она ткнула меня под столоч своей коленкой – Вот действительно везет, когда папа не только богатый, красивый и молодой, но когда он еще и умный!

Отец Дочери от неожиданности аж рот приоткрыл, впрочем, быстро взял себя в руки и... хорошо, с уважением посмотрел на меня – видать давно он так долго не общался с дочерью, раз перемены в ней воспринимал так живо.

-Ну, хорошо, давай пойдем дальше! Нет, вначале давайте выпьем! За моего умного папу! Я всерьез – я не подшучиваю.

Она вдруг встала и подошла к отцу, властно обхватила его за шею и поцеловала в щеку... Затем вернулась на свое место.

Все выпили по глотку и девушка продолжила:

-Кто кому уступал, когда вы ссорились?

-Сама помнишь – я уезжал...

-Ты уступал ей, ретируясь, потому что знал, что в гневе она безудержна? А она больше ни разу не довела свой гнев до того конца, когда летело на пол все, что лежало рядом. Это было однажды, после чего ты научился ретироваться, а потом исполнять ее желания, опасаясь ее гнева. То есть она действовала по принципу: я уступаю ему, потому что он знает, что в гневе я безудержна и безгранична. Уступая (в кавычках) тебе, она вызывала в тебе рефлекторную

реакцию, когда вынужденное бегство от худшего и крайнего состояния ее психики было своего рода командой для исполнения ее воли... Верно говорю?

-Интересный взгляд на наше с мамой прошлое. Хотя, в принципе, ты права... Однако тогда это я воспринимал как следствие воспитания и особенность ее характера.

-А я ,папа, теперь воспринимаю это как рычаг, с помощью которого можно своего партнера шантажировать. Незнание закона не освобождает от ответственности – так ведь говорят? Больше чем уверена, что большинство людей используют этот принцип ну, как бы, "автоматически", не отдавая себе полного отчета в истинных намерениях своих... Однако же получают свое! Что после каждой ссоры получала мама? Не ради же одного подавления она устраивала свои "бенефисы"?

-Не припомню сейчас... Хотя нет, однажды она закатила истерику и я не понял поначалу, из-за чего. Молодой еще был и принял ее реакцию просто как... должное, мол, что-то не правильно сказал, сделал, отчего она и разошлась. А вечером она дулась долго, а когда легли спать, рассказала мне, что жена... ну не важно кого, в этот день ее очень обидела, унизила... И дальше что-то про гардероб соперницы своей. Тогда я тягаться с ее мужем не мог и она отлично это знала. Но, верно говоришь, девочка моя, я ведь взял в долг кругленькую сумму (кстати, потом эти деньги тяжело очень отработались) и мы обновили гардероб твоей мамочки... я бы даже сказал – приумножили...

Юлия по-детски похлопала в ладошки, в очередной раз ткнула меня под столом своей коленкой и продолжила свои эксперименты:

-А в сексе папа, разве в сексе она была всегда довольна, разве она не говорила тебе что-то вроде такого: Я всегда очень хочу кончить, но я не знаю, когда это получится и отчего это зависит... Папа, я твоя дочь и очень люблю тебя, и не имею права лезть в вашу постель. Я понимаю, но сейчас прошу тебя только об одном – не надо отвечать в деталях – это меньше всего сейчас важно... Ты в общем скажи, так ведь было?..

Он посмотрел прежде на меня, потом опустил глаза в стол и, наверное, у всех у нас вызвал понимание. А вслух сказал спокойно, не без юмора:

-Это было праздником, когда получалось, как того требуют сексологи. И наверное, я бы стал импотентом или вообще отошел бы от интима, занялся бы исключительно работой и назвал бы себя трудоголиком, если б оставался с ней жить... Благо в мире есть другие женщины с нормальной сексуальностью... - вот тут он и реабилитировал Женю, бросив в ее сторону нежный взгляд, от которого женщина, все еще пребывающая в состоянии смятения, и вовсе растерялась (в другом случае, не будь той унижающей Юлиной ремарки в ее адрес, она бы наверняка приняла этот комплимент с видом крайнего самодовольства...)

-Папа, родной мой папочка! Женщина с так называемым "непредсказуемым оргазмом" – это скорее всего миф или патология, но только не предмет для пристального внимания... Правда, на этом хорошо спекулировать, правда, Андрей?! – она ткнула меня под столом и я аж дернулся. Сделавшись наивным, пожал плечами...

-Что это вы сделали с моей дочерью, Андрей Владимирович? Такой бойкой и говорливой она не была никогда...

-Это цветочки, папочка. А сейчас пойдут ягодки.., – угрожала девушка.

-Только бы не были кислыми, – пошутил отец, который, кажется, уже ничего такого не опасался от дочери услышать, что бы смутило его окончательно.

-Я часто вспоминаю один случай, который произошел как раз здесь, на даче. Я тебе не рассказывала о нем, да и не вспомнила бы сама, если б не стала на многое смотреть сейчас иначе. Так вот, мне было тогда лет семь, кажется, не больше. И вы с мамой ссорились в той комнате – наверху. Ссорились тихо, сильно не кричали. Потому что боялись меня разбудить. А я в это время ползала по

чердаку и видела вас в щель. Вообще, папочка, я там часто была и подсматривала...

Здесь дочь передала отцу что-то большее, чем можно было догадаться, оставаясь в этой компании пуританином; вот теперь отец смущался откровенно, делая это по-взрослому, с негодованием.

-Так вот, запомнилось мне, а точнее вспомнила я сейчас одну особенность в той вашей разборке. Мама ведь упрекала тебя, что ты отнял у нее ее будущее, что она была хорошим специалистом и из-за того, что я родилась и для того, чтобы дать тебе свободу, дать тебе возможность расти в своем бизнесе, поступилась своими принципами, отказалась от своих планов, от своего будущего. Ты ее успокаивал и говорил, что она сможет вернуться к своей работе в любое время, что вы можете найти круглосуточное заведение, куда отдают детей, а мама говорила, что как можно отдать куда-то девочку, которая все время болеет... Я тогда чувствовала себя такой лишней, такой ненужной, что мечтать начала о смерти. Но это так и осталось в мечтах, потому что я никак не могла точно придумать способ избавления от жизни – все-таки сложная это задача.... А потом возненавидела вас обоих, отчего и стала вредной и противной; отчего и радовалась очень, когда вы разошлись. Я потому и отказывалась напрочь с ней оставаться жить, что боялась, что она меня убьет. Почему решила, что она меня именно убьет, как только мы останемся с ней вместе, я не знала. Пусть это Андрей объяснит... Но так было лучше думать. А с тобой оказалось лучше жить – ты был смешной и веселый и разрешал мне делать все, что я хочу...

Я не заметил – я почувствовал вначале, что Юлия может так же легко разреветься, как легко она сейчас эпатировала. У меня завибрировало в солнечном сплетении и комок к горлу подкатил. Когда же я взглянул на нее, стало вовсе больно – вряд ли она бы сдержала свою реакцию от воспоминаний, разом хлынувших из прошлого, как через прорвавшую плотину. Оттого и вмешался со своим замечанием, давая ей возможность совладать с собой.

-Способ задействия одного из важнейших человеческих качеств заключается в том, что провозглашается принцип, дескать, **я никогда не завидую его успеху, принимая его и сам успех как должное – ведь я уступила ему свою удачу**. Лишенный права преодолевать сопротивление, мужчина остается с чувством вечного долга перед своей спутницей жизни...

Отец Дочери пропустил мои слова мимо ушей своих Он только очень пристально смотрел на Юлию, которая... смотрела на него... Наверное в такие минуты происходит нечто большее, что-то более значимое и великое, чем это можно выразить словом, особенно если просто назвать это *признанием в любви*.

Даже Женя вдруг очнулась, сказала:

-Господи боже мой! Так у меня ж всю жизнь отец маму упрекал, что из-за нее он ничего не добился, а так бы состоялся как ученый... Мама и пахала за двоих...

-Андрей Владимирович, в какую вы игру... играли с Юлией? Признаюсь, я никогда психологов всерьез не воспринимал... - со скрипом в голосе, как случается, если человек пережил сильные чувства; не сразу оторвавшись взглядом от Юлии, спросил *Отец Дочери*.

-Так я же не психолог... - по-детски откровенно оправдывался я, будто меня уличили в мелкой краже. – Был заказ и я его выполнил, а потом из симпатии к самой противной девчонке в мире, сделал ей подарок – показал ей несколько простейших принципов, которые если со смекалкой использовать, а не тупо, как клише, чем, кстати строит себя как науку психология, то можно полноценно использовать мужчину как средство для исполнения своих желаний и более того, совершенно уничтожить его, пока или если не возобладает в нем здравый смысл и он не уйдет восвояси. Юлия поняла и приняла все очень верно, как мне кажется. Иначе бы она не устроила нам с вами головомойку...

Все посмотрели на молодую девушку, а она чуть скосив один глаз, смотрела только на меня – в мои глаза достаточно длинно, прежде чем задать именно мне адресованный вопрос:

-Ты сказал "самой противной девчонкой"?! Ты меня правда считаешь самой противной девчонкой?

-Да, конечно. Иначе бы ты не стала тешить себя победой над Иванушкой-дурачком, а как самая банальная стерва, влюбилась бы в подобного себе...

-А я это уже сделала! Я в подобного себе влюбилось – в отъявленного подлеца!

Ну, а дальше все произошло быстро и выглядело довольно эффектно, если смотреть со стороны: она обвила мою шею руками и я не стал сопротивляться ее затаенному и горячему поцелую...

-Хоть "горько" кричи... - услышал я голос Жени.

Затем прозвучал спокойный голос отца дочери:

-Нееет, он женатый мужчина...

-Ну, все когда-то бывают женатыми мужчинами...- делилась Женя своим опытом.

-Нет, этот просто - ловец душ... Однако девочку свою не узнаю...

-Спасибо, – шептала мне на ухо Юлия, освободив наши губы от поцелуя, – Я никогда еще не была так счастлива...

Без обид...

Потом еще с неделю я с ней общался каждый день, преподавая у нее на квартире, на той самой кухне иные способы влияния на человека – минуя премудрости, заключенные в терминах да во всей этой психологической витиеватости, мы с ней очень скоро нашли согласие в определениях по поводу особенности ее манеры восприятия людей и не без интереса обнаружили в ней некоторые свойства ума и характера, которые позволили бы ей в дальнейшем делать то, что она захочет без насилия над чужой личностью, а с "согласия"... Все-таки отказываться в ее возрасте от привычки быть заносчивой и во всякий удобный раз проявлять свой снобизм она никак не соглашалась, особенно отмечая, что имеет часто дело со сверстниками, которые, как и она выросли в роскоши; которые научились прежде всего хвастать достижениями своих отцов, затем возможностями своих кошельков и, наконец, неотъемлемым правом быть среди своих лучшим, отвращаясь брезгливо от серого обывателя, от тех, кто на заработанное мог только жить, ни на что большее не претендуя. Впрочем, эту постылую тему мы не топтали особенно, потому что мне было не интересно вторить речам "классовых лицемеров", а ей тем более знать не хотелось о том, что ей пока не угрожало, а может и никогда не будет маячить в мыслях, как страх перед грозой, если тебе суждено в мегаполисе и под крышей прожить... Согласие же со мной она обнаружила внезапно, однажды сопоставив свой поступок с отношением к бедному Эдику, – сделала невозможное, невероятное на мой взгляд.

-...И ты знаешь, я вдруг поймала себя на мысли, что совсем не подстраиваюсь под него... Просто я перевожу свое сознание из одного состояния в другое. Я такая, какая есть, перестаю быть на время нашего близкого общения и становлюсь какой-то другой. Вот эту "другую" он и принимает, как свою, я бы даже сказала, как свое отражение... только в юбке. Это трудно объяснить, но я думаю, ты понял меня... Скажи, это лицемерие?

-В природе всякая тварь обретает цвет окружения, чтобы выжить.

-Но я-то не боюсь погибнуть с ним...

-Выжить для твари тоже не является прихотью. Это – необходимость...

-Значит приручить его для меня было необходимостью?

-Тебе отвечать.

Она подумала немного, сделала вывод:

-Вероятно, на каком-то этапе – да. Если быть откровенной, я ведь до тебя ненавидела людей.

-За что, Юлия?

-За то, наверное, что они могли быть другими, не такими уродами, какой я себя считала.

-Ты была уродливой в чем? Ну, то есть мне хочется от тебя услышать, как это девушка видит себя уродливой, имея такую внешность, хорошую фигуру, не будучи глухой, немой, косой... хотя и эти недостатки или аномалии, назовем это так, не всегда есть отражение состояния духа человека. Я знал одного мужчину, который очень заикался. Он был секретарем партийной организации и, заметь, любил выступать на собраниях: держал всегда длинную речь. Хорошо бы говорил хорошо, так ведь воду лил, а точнее – из пустого в порожнее переливал... И я знал

другую женщину, которая была хромая, горбатая и косая, но имела красавца мужа, вырастила двух мальчишек и, говорят, была добрейшим человеком. Да и не только говорят – я сам после общения с ней остался в какой-то эйфории. Очень хотелось на прощание поцеловать ее... Так о каком уродстве ты говоришь?

-Ну я поняла – ты намекаешь, что уродливыми были мои мысли... Кстати, о тебе хорошо высказывался Виктор Петрович. Он очень удивил папу, когда предложил тебя на свою должность преемником, сказал, что такой как ты – надежнее...

-А папа что?

-Что папа? – пожала она плечами. – Папа посмотрел на меня и сказал, что в этой ситуации парадом команду я. А потом еще сказал, что теперь точно знает, кто будет его преемником. Ну то есть я, получается. Мне, правда, интересно стало вникать в то, чем он занимается. А раньше я брезговала, что ли?.. Нет, вернее – считала, что он мне должен и что он будет всегда таким молодым. После того разговора на даче наши отношения с ним очень изменились... Андрей, я почему-то стала очень беспокоиться о нем, о его здоровье... У него ведь сердце иногда так прихватит...

Эта стерва разрыдалась у меня на глазах, мне надо было долго ждать, разрешая ей прятать свое лицо у меня на груди, давая ей возможность успокоиться самой, без каких-либо слов утешения... Она, как немногие женщины, умела внимать сердцем больше из чувств партнера, чем рассудком из слов, пусть даже произнесенных под впечатлением от душещипательного момента...

Потом мы расстались, и скоро я забыл о ней. Решил продолжить и довести до завершения свою затею с книгой о том, как лучше приобретать... нет, не друзей – об этом писал уже один американский миссионер, – а любимых, обрисовав некоторые принципы на примере общения с Юлией. Она появилась так же, как обычно, – предлагая мне непременно скоро встретиться. Правда на этот раз обещала, что всего лишь на один вечер, что, *может быть, в последний раз*.

-Ты уезжаешь жить за границу? – не без толики юмора в голосе спросил я.

-Нет. – спохватилась она, сбрасывая норов Дон Жуана в юбку, – Прости, я не переключилась на тебя...

Она почему-то казалась мне немного растерянной... Или озадаченность каким-то очень существенным вопросом, темой, необъяснимостью поведения человека делало ее лицо сосредоточенным, а взгляд несколько рассеянным, будто, глядя на меня, она видела дальше – словно смотрела насквозь, как это бывает у ясновидящих, когда они вглядываются в тебя и как будто через стекло видят твое будущее. Впрочем, где они, истинно талантливые в прозорливости?.. Вокруг да около, в каждом, кто способен отвлечься от себя хотя бы на минуту?...

-У тебя вид такой, будто ты подобрала на дороге философский камень и разочаровалась, что он не похож ни на один из известных драгоценных камней... - шутил я, впрочем, обнаружив в себе приятные чувства от встречи с этим юным созданием.

-Зайдем сюда. Здесь спокойно и хозяина я хорошо знаю. Нам самое спокойное место оставили – там никто ничего не услышит и мешать не будут...

Местом этим оказался небольшой ресторан, в котором пространство вдоль стен было поделено на своего рода альковы. Мы расположились в дальнем углу – за ширмой нас никто другой, кроме официанта, не смог бы увидеть, если б не задался целью специально заглянуть... Посетителей в это время – в раннее утро воскресного дня – могло быть, наверное, не больше, чем на два столика: у окна сидел молодой человек – он попивал пиво из бокала, смотрел часто в окно и курил; на нас он взглянул тем же рассеянным взглядом пророка лишь на минуту, когда мы вошли, чтобы затем отвернуться и снова наблюдать вид из окна. Мне даже показалось, что он считает машины, которые проезжали мимо, дольше провожая взглядом иномарки.

Когда подошла официантка – молодая девушка с пустыми глазами, красными от вчерашнего возлияния, - я заказал только кофе; Юлия – бокал мартини.

-С утра? –удивился я.

-Сегодня – да. У меня в душе – будто мухи нагадили...

-Забавное сравнение...

-Вот так вот мне мерзопакостно... Думаю, без тебя не разберусь. Ты заварил кашу, тебе и расхлебывать...

-Это все, что я могу для тебя сделать? – парировал я, напоминая ей о первой "заповеди". – Тогда что ты для меня сделаешь из того, что я захочу?

-А что ты захочешь? – заулыбалась девушка, принимая игривую форму общения.

-Ты улыбнулась и это все, что я хотел...

-О господи! Да я ж от тебя с ума сойду! Блин! Зачем тебе это надо?! Почему ты это делаешь?!

- Просто я так живу. Мне нравится, когда тебе хорошо и спокойно.

-Так я ж от того, что тебе нравится, дурею. Мне хочется рвать и метать, а потом хочется, что б ты меня успокоил... Убила бы, наверное!

-Нет. Не то. Начни с того, с чем приехала, и тогда тебе, может быть, не придется говорить мне гадости в конце...

-Все-то ты знаешь...

Подошла официантка. Юлия будто не замечая ее, продолжала говорить:

-Нужен итог, нужен последний аккорд! Отпусти меня! Я как полоумная все время думаю о тебе, постоянно разговариваю с тобой... Отпусти.

-Да не ко мне ты обращайся, Юлия! Почему я могу радоваться общению с тобой и забывать тебя напрочь, как только ты перестаешь маячить передо мной?

-Потому что ты, как папа сказал, ловец душ.

-Нет, не катит. Полное фуфло.

-Ну, хорошо, ты мне хочешь сказать, что во мне есть прихоть, которая и берedit душу.

Официантка ушла, правда по пути пару раз обернувшись осторожно, пока нас от нее не скрыла ширма.

-Об этом попозже. Что случилось в твоей жизни? Начни с этого.

-А почему ты настаиваешь на том, что в моей жизни что-то случилось?..

-Я даже могу предположить что... Ты доигралась и сделала кому-то очень больно. Давай пройдемся однажды, чтобы оставить здесь навсегда сомнения и вину... В вине топишь вину... - пошло и неуклюже пошутил я, указав взглядом на бокал вина.

Юлия не отреагировала. Она лишь задумалась коротко, прежде чем согласиться со мной.

-Ну, в общем – да. Может, ты и прав. Вот меня это и бесит, что ты все время так чувствуешь меня...

-И что я так и не стал твоим... - закончил я ее мысль.

Она замерла, словно решила совместить мои слова со своим представлением о причине душевных переживаний. Итог не заставил долго ждать:

-Да, понимаешь, это как-то неестественно для меня. Ты не водишь меня за нос, не смотришь на меня, как все; ты выдал мне какие-то принципы, которые работают, и ты... Кстати, а ведь есть же другие принципы, которые используешь ты сам, когда играешь со мной...

-Да не играю я с тобой. Мне хорошо стало с тобой, и я просто наслаждаюсь общением...

-Ага, понятно. Садист. Подсадил на себя девчонку и тащишься...

-Юлия, ну зачем ты себе хуже делаешь?! Даже если я соглашусь с одной из твоих версий, тебе еще поганее будет. Что ты с ним сделала?..

-Да не с ним! Это новый. Я сделала все, как ты со мной, а он так влюбился, что теперь я не знаю, что с ним делать. Я в нем увидела себя – рядом с тобой. Как мышь в лапах кота, нет, я бы даже сказала – в руках кота-кукловода...

-Ну, и как ты это делала? Помоги ему развязаться, глядишь и сама избавишься от меня как от навязчивой идеи...

-Я знала, что он будет моим. Почувствовала это сразу! Там было проще, чем с Эдуардом. На одной тусовке он был с "соской" какой-то. Так себе девчонка, хотя потом я заметила, что чем-то похожа на меня...

-Так чего же ты себя соской называешь?

-А соска и есть. Чем я отличаюсь от шлюхи, которая ради пацана готова на все?! Только тем, что отдаю себе отчет в этом?! Да, мне не нужны деньги, не нужна его машина, и я не хочу с ним связывать свою жизнь. Но я хочу, чтобы он был со мной, хочу спать с ним, как хотела с Эдуардом, а до него – с другими. Что это, похоть? Ты сам знаешь, что нет. Ты намекал, что это – дань моде, некогда провозглашенной как "секс-революция"? Так теперь уже не хочу, как все – делать всё, чтобы только знать или показывать, что не одна. Может мне "в кайф" разнообразие? Да, так и было, пока не связалась с тобой. От тебя - зуд под кожей...

-Ну, то есть очень хочется, чтобы он стал таким же, как все, чтобы могла манипулировать и чтобы, главное, стал зависим от твоей прихоти. Над которой ты бы сама скоро очень потеряла контроль... Мы это проходили... Так что же было там, с тем парнем, который после Эдуарда...

-Ну, мы улыбнулись друг другу, и я указала взглядом на его девушку. Он показал жестом так, чтобы она не видела, что она "так себе". Тогда я подошла к нему и спросила, не знакомый ли он Максима, мол я его видела в тусовке... Парень нашелся сразу и сказал, что да, знает Максима. Тогда я попросила его передать Максиму номер моего мобильного, якобы мы потерялись – я сменила "симку" из-за того, что украли трубку. Девушка его предложила позвонить на телефон, чтобы запечатлелся мой номер. Я позвонила, таким образом получив заветное. Ну а дальше все проще оказалось – мы с ним встретились, поиграли в боулинг. Я дала ему фору, хотя сразу показала, как играю. Он выиграл, чему был очень рад. Потом я сказала ему, что считаю себя обязанной ему, потому что он помог мне выйти из депрессии, что до этого момента сохла по парню, который меня бросил из-за того, что папа у меня не такой богатый, и что машина у меня не крутая. (Тачку я поменяла – езжу на прежней. Не понравился мне джип. Помоему, это машина либо для быков, либо для ущербных мужчин.) Ну тут его и понесло – стал обещания давать, что сам никогда бы не поступил таким образом; стал заверять меня, что встретится он раньше с такой, как я, сейчас бы не пришлось ему таскаться по дискотекам, а жил бы он смирно, как отец семейства. Короче, дело дошло до постели. Там я выкинула такой фортель, что он аж испугался. От оргазма я тряслась, как эпилептик, а потом чуть не лишилась чувств... Хотя молотила так, что он аж несколько раз вылетал из меня. Ты ж знаешь, я не люблю собачий коитус... Потом призналась, что это со мной впервые; извинялась долго, плакала от стыда... Хихикала, прикрываясь руками, а он успокаивал меня... Тут я разыграла следующую сцену – с уходом, как это сделал однажды ты. Получилось идеально. Вообще-то мне действительно хотелось уйти, чтобы разом покончить с ним. Поганкой себя чувствовала. Думала, отпустит, и слава богу! Обозвала его подлецом, сволочью! А он сказал, что разбирается в психологии, - понимает, что со мной происходит... Аффектом назвал мою истерику... Я осталась. Ну а потом все пошло как по накатанному. Мы встречались почти каждый день и постепенно пришли к мысли, что нам надо будет строить совместную жизнь. Он сказал, что пойдет на риск и возьмет-таки кредит под новое дело, что раньше не хотел делать, потому что предпочитает медленно, но без больших кредитов развиваться, что помнит 98 год, что считает, что все должно развиваться своим чередом, а не форсированно... Я отвечала, что ради будущего наших детей я готова отказаться

от своих притязаний и стать хорошей женой... Ну он и ответил... "Я сделаю так, что ты никогда не будешь чувствовать себя хуже любой другой жены из нашего круга знакомых... А тот парень, который тебя бросил, еще очень пожалеет об этом." Ну а я отвечала ему тем же: потребовала от него преданности на всю жизнь и добавила, что если припрет его и надо будет как-нибудь изменить мне, пусть он это делает так, чтобы я об этом не узнала... Ну он отреагировал как раз так, как и ожидалось: сказал, что и не думал об измене, но сам никогда не простит мне измену.... Даже если узнает, что это случилось очень давно, ну в смысле, когда мы проживем двадцать лет, а изменила я ему десять лет назад...

Мы помолчали некоторое время и со стороны, если кто-то мог нас увидеть, казалось, что мы в ссоре - оттого и смотрим каждый в разные стороны. Я изучал картину на стене: художник изобразил что-то понятное, вероятно, только ему одному...

-Пожили мы с ним вместе у него на квартире где-то с неделю. Каждый день вставали вместе, и пока он брился в ванной, я подходила к окну и махала рукой то Сереге, то Вовке – они по настоянию Петровича дежурили в машине. Глупо, конечно, но приятно было... спокойнее. Я вдруг их всех очень полюбила. И ненавидела тебя - мстила, даже думала, что вот приглашу тебя и скажу при тебе, что выхожу замуж за него. Между прочим его тоже Андреем звать. Какое совпадение, да? В совместной жизни проверила другой твой принцип...

-Не мой, Юлия... Ваш это принцип. Я его не придумывал Я его заметил в вашем поведении – в повадках таких, как ты...

-Ты что, злишься? Может быть ты ревнуешь?! Ну скажи мне, хоть раз соври, чтобы мне стало приятно... Скажи, что ревнуешь... Ну хоть немного...

-Тебе какой вариант выдать? Сказать, что да, мол, ревную или сказать, что ревную к его возрасту – к его молодости? Или лучше сказать, что слишком хорошо тебя знаю, чтобы иметь возможность удерживать интерес к себе, не показывая, что ревную; из страха, что убедившись в этом, ты оставишь меня?

-Врешь ведь, как черт лысый... По глазам вижу – врешь!

-Ну ладно, давай закончим с принципом.

-Принципы ему нужны... мерзкие все они! Работают безотказно... *Когда он приходил домой уставший, я начинала суесться, что-то делать, зато в гостях и в ресторане – скучать... ну эдак – немножко... Чтобы вынуждать его все время спрашивать, не тоскую, не скучаю ли я. И каждый раз после его внимания я веселела... ненадолго.* Ты знаешь, мне показалось, что он никого больше не замечал, кроме меня. И очень радовался, когда я становилась веселой... Что мне делать?! Я доказала тебе, что шлюха?

-Нет, не доказала. Просто ты стала *обыкновенной стервой*. Такими рождаются, а ты выучилась... Поэтому у тебя есть право быть другой.

-Со мной мы разберемся еще! А что с ним-то делать. Мужик запал конкретно...

-За горизонтом - тоже горизонт... Пойдем, прогуляемся по набережной...

-Тогда вечером поедем ко мне?.. Ну не заставляй меня унижаться!..

-Не унижайся сама, – сказал я, оставаясь сидеть за столиком. – Послушай сказку одну. Я расскажу коротко, насколько это возможно. Жил-был молодой человек в начале девяностых. Правдами и неправдами сколотил он себе такой капитал, что впору было срочно эмигрировать. Надо было найти жену, чтобы на чужбине не сдохнуть со скуки и от скучных физиономий тамошних женщин. А как найти здесь суженую, если прежде всего видят его состояние, а потом только хозяина этого состояния. И решил он купить потрепанный жигуль, поскольку пешком ходить отучился; натянуть потрепанные джинсы и даже часы сменить на простые - "Полет". Долго он искал ту, о которой мечтал, а когда судьба подарила ему ее, он скоро очень решил сделать ей сюрприз – пригласил в шикарную квартиру после коммуналок друзей, и там они провели ночь. А утром он ей сказал, что все это принадлежит ему... Девушка расплакалась и ушла от него.

Ничего не понимая, он принялся искать ее, вдруг обнаружив, что в самоуверенности своей, в ожидании смирения и восторга от преображения своего, он даже не подумал спросить ее адреса. Знал только телефон подруги... Когда они снова встретились, она все-таки простила его: только спросила, зачем он так ее унизил? Он сообразил не отвечать вопросом на вопрос, типа, "как это унизил?" А отвечал откровенно, по наитию, что как все молодые люди, захотел *выпендриться*... Ну не говорить же в отместку, что таким образом вообще искал женщину, друга и мать своим будущим детям, а не обыкновенную стерву... Дальше они поженились и уехали из страны...

-Так как же это он ее унизил?

-А разве он ее унизил? Разве ты унижаешься, имея право просто любить?.. В твоём возрасте можно грезить о вечности, как в начале пути можно думать о дороге, выбирать свой путь. Во всяком случае эта иллюзия имеет право быть. Но стоит ли оставаться с этой иллюзией, когда вернуться уже нет возможности? Или надо тешить себя надеждой, что каждый миг настоящего стоит чужой боли? И потом платить по векселям, которые раздает налево и направо все та же наша Прихоть?.. Нам ведь всегда было легко и хорошо друг с другом, хотя таких, как ты я когда-то в молодости ненавидел. Парадокс. Что-то и ты во мне изменила?.. Может быть, ты была прирожденной стервой, а теперь ты стала ею раньше, чем могла привыкнуть к этой роли, не зная альтернативы? Познав простейшие и грубые способы достижения желаемого от мужчин, между тем, ты же страдаешь от навязчивого состояния, которое связано со мной и только потому индуцируется это состояние, что я не даю тебе возможность закончить процесс "чтения" меня?..

-Нет, Андрюша... Вот здесь ты не прав... Ты владел мною больше, чем кто-либо в моей короткой жизни... Ты знал меня лучше, чем даже мой отец... Но *ты никогда не был триумфатором... Оттого тебе и не приходилось доказывать мне или себе свое право быть рядом...*

Александр Азарян
(сентябрь 2004 года) Санкт-Петербург